

STARGAZE:

НОВЫЕ ГОРИЗОНТЫ

madamada madamada

Stargaze: Новые Горизонты

«Автор»

2026

madamada m.

Stargaze: Новые Горизонты / m. madamada — «Автор», 2026

Что, если наш величайший шаг вперед станет началом конца? Молодой астрофизик Эйден совершил открытие, о котором грезилло все человечество — он зафиксировал и расшифровал сигнал из глубин космоса. Но вместо долгожданного союза с внеземным разумом ответный импульс принес на Землю катастрофу. Те, кто пришли сквозь пространственные врата, стерли привычный мир всего за один час. Оказавшись в эпицентре столкновения могущественных космических сил, Эйден заброшен в глубины чужой вселенной. Здесь высокие технологии переплетаются с древними, пугающими силами, природа которых неотличима от магии. Ему предстоит выжить в чужой войне, разгадать тайну собственного спасения и понять, какую цену придется заплатить за попытку дотянуться до звезд.

© madamada m., 2026

© Автор, 2026

Содержание

От автора	5
Архив Конфедерации [Энциклопедия]	6
Глава 1 - Запрос рукопожатия	10
Глава 2 - Часовая война	14
Глава 3 - Новый мир	19
Глава 4 - Аномалия	23
Глава 5 - Резонанс	29
Глава 6 - Иллюзия превосходства	35
Глава 7 - Радиомолчание	39
Глава 8 - Испытание	42
Глава 9 - Пробуждение	47
Глава 10 - Последствия	51
Глава 11 - Шепот в пустоте	60
Глава 12 - Пепел Аппалаче	66
Глава 13 - Тени под земле	71
Глава 14 - Цена свободы	77
Глава 15 - Расколотая душа	82
Глава 16 - Кровь на песке	88
Конец ознакомительного фрагмента.	93

madamada madamada

Stargaze: Новые Горизонты

От автора

#ПРЕДИСЛОВИЕ ОТ АВТОРА#

Приветствую тебя, дорогой Читатель!

Идея этой книги родилась очень давно ещё в школьные годы. Долгие годы эти миры, персонажи, образы космических битв и финал всей истории пылились в дальнем ящике моего стола (и моей памяти), ожидая своего часа. И вот, наконец, этот гештальт закрывается: мечта обрела форму текста, и я невероятно счастлив разделить её с вами.

«Stargaze: Новые горизонты» - это не просто история о космических баталиях. Это масштабная сага на стыке жесткой научной фантастики и древнего космического фэнтези. Здесь технологии сталкиваются с магией звезд, за внешним блеском цивилизаций скрываются трущобы и политические интриги, а каждое применение сверхъестественной силы требует настоящей, физической платы.

Для вашего удобства я создал отдельный раздел - **«Архив Конфедерации»**. Там подробно расписаны физиология магии, градация рангов, политическое устройство и досье на ключевых персонажей. Вселенная получилась масштабной и глубокой, поэтому Кодекс всегда поможет вам сориентироваться в понятиях и терминах.

#Небольшой совет перед погружением:

Хотя Энциклопедия максимально очищена от сюжетных тайн, я настоятельно рекомендую сначала прочитать первые несколько глав, чтобы почувствовать завязку и познакомиться с героями органично, и лишь затем заглядывать в справочник для уточнения деталей.

Эта книга пишется с огромной любовью к жанру. Если вам близки продуманные миры, хладнокровные и умные герои, преодолевающие трудности расчетом, а не «роялями из кустов», и высокие эмоциональные ставки - добро пожаловать на борт.

Буду безмерно благодарен за ваши **лайки, добавления в закладки и комментарии**. Обратная связь - это главное топливо для автора!

Устраивайтесь поудобнее. Мы отправляемся к звездам.

Приятного чтения!

Архив Конфедерации [Энциклопедия]

АРХИВНЫЙ РЕЕСТР КОНФЕДЕРАЦИИ СВЯЗАННЫХ МИРОВ

Источник: Центральный информационный терминал Академии Корпуса (Элизиум)

Уровень допуска: Общий [Для кадетов, исследователей и гражданских лиц]

Статус документа: Актуально

ТОМ I: ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИЙ СПРАВОЧНИК

Звездный Эфир (Магия): Высокоэнергетическое неионизирующее излучение ядер Первозданных Звезд. Вступает в резонанс с живой материей, позволяя трансформировать физические законы Вселенной (гравитацию, температуру, молекулярную структуру).

Эфирные Каналы: Микроскопическая биологическая сеть в телах одаренных существ, переплетенная с нервной и кровеносной системами. Служит проводником энергии от звездного источника к физическому проявлению.

Выгорание: Физиологическая патология, вызванная пропуском избыточного объема эфира через неподготовленные каналы. Сопровождается разрывом сосудов, некрозом тканей и в критических случаях — полной аннигиляцией тела носителя.

Часовая война: Исторический термин, обозначающий молниеносный захват планеты Земля неустановленной армадой. Сопротивление планетарной обороны было полностью подавлено ровно за шестьдесят земных минут.

Авангард: Экстремистская военизированная фракция неизвестного происхождения. Обладает технологиями пространственной маскировки и вооружением, опережающим разработки Конфедерации. Цели, база приписки и командный состав остаются засекреченными.

Гвардия «Эгида»: Специализированное военизированное подразделение, подчиняющееся непосредственно Архонту Конфедерации. Выполняет функции внутренней безопасности, контрразведки и надзора за соблюдением Закона о Балансе Сил.

Печать Блокировки: Высокотехнологичный нейро-эфирный имплант, разработанный инженерами «Эгиды». Вживляется в область грудины. Непрерывно сканирует уровень выброса звездной энергии; при превышении критического порога активирует летальный протокол.

ТОМ II: КОДЕКС ЗВЕЗДНОГО ЭФИРА (ЧЕТЫРЕ АСПЕКТА)

Магическое искусство разделено на четыре великих аспекта, каждый из которых фундаментально привязан к излучению определенного спектра звезд.

1. Алари — Аспект Космического Огня

Природа источника: Звезды экстремальной плотности — магнетары и пульсары.

Механика: Генерация кинетической энергии взрыва, сверхвысоких температур и направленных плазменных потоков. Боевой аспект штурмовых отрядов.

Особая форма — «Валькирии»: Высшая степень контроля энергии Алари. Маг проецирует за спиной парные крылья из чистой плазмы, позволяющие маневрировать в атмосфере и открытом космосе, отражать кинетические удары и рассекать композитную броню. Свойственно женским особям.

2. Эхоны — Аспект Гравитации и Векторов

Природа источника: Голубые сверхгиганты высокой светимости.

Механика: Изменение локальной массы объектов, искривление гравитационных векторов, создание направленных кинетических барьеров и телекинез.

Особая форма — «Сингулярность»: Кратковременное сжатие пространственной ткани перед носителем, создающее разрушительный гравитационный импульс колоссальной плотности.

3. Эрианы — Аспект Материи и Жизни

Природа источника: Зеленые и спектрально-живые стабильные светила.

Механика: Управление био-резонансом, молекулярной стабильностью и клеточной регенерацией. Эрианы способны ускорять рост флоры, изменять плотность органических соединений и нейтрализовать внешние магические аномалии.

Особая форма — «Абсолютный Баланс»: Способность мага-Эриана гармонизировать чужой нестабильный эфирный поток, предотвращая смертельное выгорание проводника.

4. Предвестники — Аспект Пространства и Времени

Природа источника: Утраченная Белая Праматерь-Звезда.

Механика: Высший и самый загадочный аспект. Управление энтропией (мгновенное стирание материи в пепел), темпоральный возврат поврежденных структур и прямое искажение пространства (перемещение без использования червоточин).

Статус расы: Критический / Угасающий. Без доступа к родной Белой Звезде новые носители аспекта не рождаются более тысячи лет. Число действующих Предвестников строго засекречено.

РАЗДЕЛ: ФИЗИОЛОГИЯ ЭФИРА И РАНГИ СИЛЫ

Магия в Конфедерации подчиняется фундаментальным законам физики и биологии. Способность к управлению энергией — это физиологический процесс, требующий жесткого контроля.

1. Звездный Резонанс и Анатомия

Принцип запечатления: В момент рождения нервная система новорожденного под воздействием квантового излучения местной Первозданной Звезды перестраивается, образуя **эфирные каналы** — микрососудистую сеть, пронизывающую всё тело.

Почему Земля лишена магии: Солнечная система сформировалась вокруг «спящей» звезды класса G (желтый карлик), лишенной эфирного спектра. Человечество развивалось изолированно от звездных потоков, поэтому земляне не обладают врожденными каналами.

2. Закон Перегрузки (Предел Проводимости)

Тело любого мага является проводником. Пропуск избыточного объема энергии ведет к физическим травмам:

Начальная стадия: Повышение температуры тела, носовое кровотечение, микроразрывы капилляров.

Критическая перегрузка: Почернение вен под кожей («эфирные ожоги»), разрушение мышечной ткани, поражение центральной нервной системы.

Коллапс проводимости: Полный распад органики на молекулярном уровне при попытке выпустить силу, превышающую емкость внутренних каналов.

3. Классификация Боевого Потенциала (Ранги)

В Военной Академии и Корпусе принята единая шкала оценки боеспособности магов:

Ранг «Искра»: Минимальный энергетический резерв. Способность к базовым манипуляциям (зажечь огонь, отклонить легкий предмет, ускорить свертывание крови). Такие кадеты чаще всего занимают тактические и штабные должности (*Пример: кадет Тарик*).

Ранг «Пламя»: Стандартный офицерский уровень Корпуса. Уверенное владение направленными боевыми ударами, поддержание личных щитов средней плотности, ведение затяжного боя.

Ранг «Ядро»: Элита вооруженных сил. Маги, способные действовать автономно против превосходящих сил противника, призывать высшие формы аспектов (крылья Валькирий, гравитационные воронки) (*Пример: капитан Кириэль, старшие кадеты Лайра и Вейл*).

Ранг «Апогей»: Стратегический уровень. Единичные магистры, чья совокупная мощь сопоставима с тяжелой орбитальной артиллерией. Способны влиять на климат планет и разрывать космические блокады (*Пример: Члены Высшего Совета*).

ТОМ III: ПОЛИТИЧЕСКОЕ УСТРОЙСТВО. ГОСУДАРСТВЕННЫЙ СТРОЙ И БАЛАНС ВЛАСТЕЙ

РАЗДЕЛ: ГОСУДАРСТВЕННЫЙ СТРОЙ И БАЛАНС ВЛАСТЕЙ

Архонт Конфедерации: Высшее должностное лицо, избираемое пожизненно совместным решением Совета и Сената (традиционно избирается немаг, как представитель демографического большинства). Архонт обладает **Правом Вето** и выступает верховным судьей во всех тупиковых спорах между магами и парламентом.

Высший Совет (Магократия): Руководящий орган, состоящий из лидеров четырех аспектов. Отвечает за контроль эфирных потоков, подготовку магов, безопасность внешних границ и исследование глубинных космических аномалий.

Сенат Светских Миров (Парламент): Законодательный орган, представляющий интересы сотен немагических рас и секторов. Управляет межзвездной торговлей, ресурсами, научными институтами и тяжелой промышленностью.

«Правило 30%» (Закон о Юрисдикции): Фундаментальный закон Конфедерации. Если на планете доля немагического населения превышает 30%, этот мир автоматически переходит под прямое гражданское управление Сената. Высший Совет не имеет права вмешиваться во внутренние дела таких планет без санкции Архонта.

Гвардия «Эгида»: Специальный корпус правопорядка, подчиняющийся Архонту. Комплектуется **как одаренными, так и немагами**. Оперативники «Эгиды» используют антимагическую броню и нейтрализующие технологии. Их задача — пресекать преступления магов, ликвидировать опасные аномалии и предотвращать злоупотребления властью со стороны сенаторов.

ТОМ IV : АТЛАС ИЗВЕСТНОГО КОСМОСА

1. Планета Элизиум (Сектор Алари)

Статус: Академический и культурный центр Конфедерации.

Астрография: Мир под светом двух солнц. Отличается уникальной экологией — мегаполисы из био-камня и светящихся сплавов гармонично встроены в гигантские леса.

Ключевые объекты: Центральная Военная Академия Корпуса, Зал Высшего Совета, Сады Эриан, Орбитальные доки тяжелого флота.

2. Планета Праксис (Столичный Сектор)

Статус: Официальная столица Конфедерации, резиденция Архонта и Сената.

Астрография: Планета-экуменополис, практически полностью покрытая многоуровневыми технологическими ярусами.

Особенности: Центр светской власти, науки и торговли. Нижние подземные горизонты планеты отведены под технические и распределительные узлы.

3. Сектор Приграничья (Фронтир)

Статус: Нейтральная / Нестабильная зона.

Описание: Обширные области за пределами юрисдикции Конфедерации. Скопление независимых поселений, вольных станций и неисследованных аномалий. Зона постоянного патрулирования автономных подразделений.

4. Земля

Статус: Зона абсолютного карантина / Оккупированная территория.

Описание: Родной мир человеческой расы. До вторжения — технологическая цивилизация без доступа к Звездному Эфиру. В настоящее время поверхность блокирована генераторами помех Авангарда, связь с сектором полностью отсутствует.

ТОМ V: ОТКРЫТЫЙ РЕЕСТР ПЕРСОНАЛИЙ

Субъект: Эйден

Происхождение: Земля (Сектор Сол).

Специализация: Аналитик данных, радиоастроном, кадет Корпуса.

Статус: Особый надзор службы безопасности «Эгида».

Идентификационные маркеры: Короткие пепельно-белые волосы, серые глаза. Лишен естественных эфирных каналов; классифицирован как носитель аномального энергетического феномена Белого Спектра.

Офицер: Кириэль (Кира)

Звание: Капитан Корпуса Конфедерации.

Фракционная принадлежность: Алари (Магия Космического Огня).

Идентификационные маркеры: Бордово-красные волосы (собраны в высокий хвост), боевой клинок темного металла. Ветеран боевых действий, бывший офицер особого подразделения Валькирий. Назначена официальным куратором кадета Эйдена.

Кадет: Тарик

Фракционная принадлежность: Алари.

Специализация: Тактическое планирование, оперативный анализ.

Примечание: Магический потенциал классифицирован как «Искра» (минимальный боевой резерв). Включен в состав специальных экспедиционных групп благодаря выдающимся навыкам координации.

Кадет: Лайра

Фракционная принадлежность: Эхоны (Магия Гравитации).

Специализация: Полевой кинетический контроль, пространственная оборона.

Примечание: Старший кадет потока. Демонстрирует высокий уровень владения сингулярными барьерами.

ВЫСШИЙ СОВЕТ КОНФЕДЕРАЦИИ (Руководящий состав)

Советник Кассиан (Фракция Алари): Старейшина Совета. Ветеран сотен кампаний, приверженец военной дисциплины и сохранения чести Корпуса.

Верховный Советник Каэл (Фракция Эхонов): Глава магических академий Практики и Элизиума. Сторонник безусловного примата звездных магов над гражданскими институтами.

Советница Мирра (Фракция Эриан): Главный координатор биосферных исследований. Защитница гражданских прав и экологической стабильности миров Конфедерации.

Советник Терон (Фракция Предвестников): Полномочный представитель аспекта Пространства-Времени. Специалист по исследованию дальних рубежей и аномалий Темного Сектора.

ЭКИПАЖ СТЕЛС-ФРЕГАТА «НОЧНОЙ СТРАННИК» (Бортовой журнал)

Командир экспедиции: Капитан Кириэль (Алари).

Десантная группа: Кадет Эйден, Кадет Тарик.

Старший пилот-навигатор Джарек (Эхон): Специалист по сверхточным гравитационным маневрам в условиях действия вражеских радаров.

Старший бортинженер Орин (Эриан): Отвечает за маскировочные генераторы и стабильность системы жизнеобеспечения.

Техник боевых систем Бренна (Алари): Ответственная за реакторный отсек и кинетический арсенал судна.

Конец архивной записи.

(Документ автоматически дополняется по мере поступления новых данных из внешних секторов).

Глава 1 - Запрос рукопожатия

*"Две вероятности существуют: либо
мы одиноки во вселенной, либо
нет. И обе одинаково пугают.*

Артур К. Кларк

Утро пахло свежесваренным кофе и озоном — обычный запах для Нового Вашингтона после ночной работы климатических фильтров. Эйден стоял у панорамного окна кухни, держа в руках теплую кружку. С двадцать пятого этажа их квартиры открывался вид на залитый солнцем мегаполис. Город сверкал стеклом и бетоном, утопая в зелени восстановленных парков. Тяжелые времена остались позади. Человечество, измученное десятилетиями войн и Великим Карантином, наконец-то повзрослело. Границы стерлись, ресурсы объединились, и теперь люди смотрели не в прицелы автоматов, а в небо.

Эйден тоже смотрел в небо. В свои двадцать четыре он получил место, о котором мечтали миллионы — стажировку в объединенном центре NASA.

— Если ты продолжишь так сверлить взглядом облака, инопланетяне прилетят просто из жалости, — раздался за спиной насмешливый голос. Эйден обернулся. Хлоя, растрепанная, в безразмерной футболке с логотипом какой-то старой рок-группы, сонно щурилась на яркий свет. В свои пятнадцать она обладала суперспособностью просыпаться за пять минут до выхода в школу и при этом умудрялась выглядеть так, будто собиралась два часа.

— Я не жду инопланетян, мелочь, — Эйден улыбнулся и пододвинул к ней тарелку с тостами. — Я жду пакет данных с марсианского орбитального зонда. И вообще, наука требует терпения.

— Наука требует, чтобы ты иногда спал, — парировала Хлоя, щедро намазывая джем на тост. — Ты вчера вернулся за полночь. Опять слушал космический шум? Эйден, признайся, вам там просто включают запись работающего микроволновки, а вы делаете умные лица.

— Это называется «радиоастрономия», — с притворной обидой вздохнул он, отпивая кофе. — Мы сканируем дальние рубежи. Ищем аномалии. Ищем ответы. Хлоя закатила глаза, но в её взгляде читалась теплота. Она гордилась братом, хотя никогда бы в этом не призналась.

— Ладно, астроном. Только не забудь, что у нас сегодня вечером кино намечается. Если ты снова застрянешь со своими антеннами и пропустишь сеанс, я лично приду в NASA и устрою там саботаж.

— Обещаю, в шесть буду как штык. Разве что Вселенная решит заговорить с нами именно сегодня.

— Ага, передавай ей привет, — бросила Хлоя, хватая рюкзак. — Пока, ботан!

— Учись хорошо, катастрофа! — крикнул он ей вслед.

Хлопнула входная дверь. Квартира погрузилась в тишину. Эйден допил кофе, поставил кружку в раковину и задержал взгляд на голографической рамке, стоящей на столе.

С трехмерного снимка улыбались родители. Они не дожили до этого нового, светлого мира. Последняя, самая тяжелая волна Великого Карантина забрала их шесть лет назад. Эйдену тогда только исполнилось восемнадцать. Ему пришлось зубами выгрызть право на опеку, доказывая комиссиям, что он сможет позаботиться о девятилетней сестре. Пришлось быстро повзрослеть.

Чтобы не сойти с ума от ответственности и горя, он с головой ушел в науку. Математика, инженерия, астрофизика — в цифрах и законах физики был строгий порядок, которого так не хватало на разрушенной Земле. Эйден оказался не просто способным, а одержимым. И эта одержимость принесла плоды: в свои двадцать четыре он обошел сотни кандидатов и получил должность младшего научного сотрудника в аналитическом центре NASA.

Его работа заключалась в анализе телеметрии и радиосигналов с автоматических станций, разбросанных по всей Солнечной системе. Пока инженеры строили новые корабли, Эйден сутками сидел в наушниках и писал алгоритмы, отсеивающие космический мусор и солнечную радиацию от полезных данных. В последнее время он плотно занимался марсианским сектором. Там, на орбите красной планеты, висела новейшая группировка исследовательских спутников «Око», и именно Эйден отвечал за чистоту их сигнала.

Он бросил взгляд на часы. Пора. Смена начиналась через час.

Закинув на плечо рюкзак с планшетом, Эйден вышел из квартиры. Он еще не знал, что эта утренняя перепалка с сестрой была их последним спокойным разговором, а алгоритм, который он написал накануне, сегодня навсегда изменит историю человечества.

Центральная аппаратная NASA гудела, как растревоженный улей, но для Эйдена этот гул давно стал привычным белым шумом. Ряды мониторов мерцали графиками орбитальных траекторий, телеметрией и метеосводками. Эйден занял свое рабочее место в секторе дальнего мониторинга и накинул наушники. На соседнем кресле, лениво потягивая кофе из пластикового стаканчика, развалился Маркус — старший аналитик, который дорабатывал до пенсии и давно потерял всякий интерес к тайнам Вселенной.

— Опять марсианский призрак шалит, — Маркус кивнул на монитор Эйдена, где на графике спектроанализатора периодически вспыхивал острый пик. — Третий раз за неделю. Сбрось фильтры на ноль-пять, пусть автоматика отсечет этот мусор.

— Это не похоже на солнечную интерференцию, Маркус, — нахмурился Эйден, вглядываясь в бегущие строки данных. — Пики слишком ровные.

— Это отражение от пылевых бурь в долине Маринера. Или барахлит ретранслятор на спутниках «Око». Я работаю здесь двадцать лет, парень. Космос в основном молчит. Отсекай.

Маркус отвернулся к своему терминалу, потеряв к разговору всякий интерес. Эйден послушно потянулся к клавиатуре, чтобы запустить стандартный фильтр очистки, но его пальцы замерли.

Он вывел данные на дополнительный экран и запустил свой собственный, неофициальный алгоритм дешифровки, который писал по ночам. Если это пылевая буря, почему интервалы между импульсами следуют строгой математической прогрессии?

Эйден начал изолировать частоту. Сердце забилося быстрее, когда хаотичный шум на экране начал выстраиваться в четкую структуру. Это был код. Многомерная математическая матрица, повторяющаяся циклично. Он набросал скрипт, прогоняя матрицу через лингвистические и математические базы данных NASA. Система задумалась на долгих три минуты. Эйден воровато оглянулся — Маркус увлеченно читал спортивную сводку.

Экран моргнул. Программа завершила анализ. Математическая структура перевелась в базовый бинарный концепт, который система интерпретировала на английский. В центре монитора пульсировала всего одна расшифрованная фраза:

[ЗАПРОС РУКОПОЖАТИЯ: ОТКРЫТЬ ПРОХОД]

Эйден перестал дышать. Это был не мусор. Это был стук в дверь. Кто-то — или что-то — с той стороны Марса ждало ответа. Ждало подтверждения приема, чтобы установить канал связи.

В голове пронеслись инструкции. Протокол первого контакта требовал немедленно заблокировать терминал, вызвать начальника смены, поднять по тревоге Совет Безопасности. Это означало месяцы бюрократии, засекречивание данных и, скорее всего, полную изоляцию самого Эйдена. Политики и военные похоронят это открытие в бесконечных согласованиях.

«Наука требует риска», — пронеслось в мыслях.

Пальцы Эйдена запорхали по клавиатуре. В тайне от системы безопасности он написал ответный пакет данных. Он взял их же математическую матрицу, инвертировал её, создав идеальный цифровой «ключ», и вшил этот код в пакет обновлений для марсианского спутника «Око-4». Спутник должен был сработать как гигантский космический мегафон, транслировав ответ прямо в источник аномалии.

Эйден навел курсор на кнопку отправки. Ладони вспотели. Он нажал «ENTER».

Система пискнула: [ПАКЕТ ДАННЫХ ОТПРАВЛЕН].

На несколько секунд в аппаратной повисла привычная, тягучая рутина. Маркус отхлебнул кофе. Где-то вдалеке тихо гудел кондиционер. Эйден смотрел на экран, гадая, что произойдет дальше. Пройдет ли ответный сигнал? Получат ли они его?

Ответ пришел не на монитор Эйдена. Ответ пришел на все экраны планеты сразу.

Сначала изменился свет. Дежурное голубоватое освещение центральной аппаратной мигнуло и сменилось пульсирующим багровым. А затем взвыли сирены — низкий, вибрирующий звук, от которого заложило уши. Пластиковый стаканчик выпал из рук Маркуса, расплескав горячий кофе по консоли.

— Какого дьявола... — прохрипел он, вскакивая с кресла.

— Тихо! Всем внимание на главный экран! — раздался по громкой связи искаженный паникой голос начальника смены. Огромный панорамный монитор, обычно транслировавший скучные орбитальные графики, переключился на прямую визуальную трансляцию со спутника «Око-4». Весь зал, сотня лучших умов планеты, замер в абсолютной, парализующей тишине.

Пространство над Марсом рвалось на части. Это не было похоже на черную дыру или аккуратный портал из старых фильмов. Это выглядело как рана на теле Вселенной. Ткань космоса исказилась, закручиваясь в гигантскую воронку, из центра которой били невыносимо яркие фиолетовые и белые всполохи. Звезды на заднем фоне исказились, словно сквозь кривое стекло. А затем из этого пульсирующего света начали появляться *они*.

Не летающие тарелки. Не серебристые сферы. Из разорванного пространства медленно и величаво выходили исполинские флагманы. Их корпуса были угловатыми, хищными, похожими на наконечники копий, выкованные из черного поглощающего свет металла. Они были настолько огромны, что даже на фоне Марса казались континентами, вырванными из земли и отправленными в пустоту. Вдоль их бортов пульсировали зловещие багровые линии энерговодов.

— Анализ телеметрии! — истерично закричал кто-то в дальнем конце зала. — Дайте мне их вектор!

Эйден сидел, вцепившись в подлокотники кресла. Его монитор мигал единственной зеленой строчкой, которую не видел больше никто:

[РУКОПОЖАТИЕ ПРИНЯТО. ПРОХОД ОТКРЫТ].

Он не мог дышать. Холодный пот градом катился по спине. Это не случайность. Это не первый контакт ради мира. Они ждали, пока кто-то с той стороны повернет ключ в замке. И этим кем-то оказался он.

— Есть вектор! — голос аналитика сорвался на фальцет. — Они не тормозят! Идут прямо на Землю! Скорость... Боже мой, это невозможно!

— Подлетное время?! — рявкнул начальник смены.

— Тридцать минут! — крик эхом разнесся по аппаратной. — До вхождения в атмосферу Земли двадцать девять минут сорок секунд!

Зал взорвался криками. Кто-то бросился к телефонам экстренной связи, кто-то застыл в оцепенении, кто-то просто молился. Система противоракетной обороны Земли начала автоматическое развертывание, но каждый в этой комнате понимал: против *этого* у них нет ни единого шанса.

Эйден смотрел на таймер, стремительно отсчитывающий секунды на главном экране.

Двадцать девять минут.

Сердце пропустило удар, а перед глазами вспыхнуло лицо сестры.

Хлоя. Она сейчас в школе, в центре города.

Эйден сорвал наушники, схватил рюкзак и, не обращая внимания на кричащего что-то Маркуса, бросился к выходу из центра. Ему было плевать на трибуналы, на протоколы и на гибель цивилизации. У него было полчаса, чтобы спасти единственного дорогого ему человека от того ада, который он сам только что впустил в их мир.

Глава 2 - Часовая война

*Если инопланетяне когда-нибудь
посетят нас, я думаю, результат
будет таким же, как для индейцев
после прибытия Колумба. Для них
это закончилось не очень хорошо*

Стивен Хокинг

Улицы Нового Вашингтона захлебывались в панике. Единая система оповещения, молчавшая со времен Великого Карантина, выла на одной бесконечной, рвущей нервы ноте.

Эйден гнал свой электрокар по встречной полосе, чудом уворачиваясь от сталкивающихся в суматохе машин. Город сошел с ума за считанные минуты. Люди выбегали из зданий, бросали автомобили на перекрестках, кричали, показывая пальцами в небо.

Там, высоко над атмосферой, уже можно было разглядеть черные, похожие на копья силуэты, заслоняющие солнце.

Пятнадцать минут.

Он влетел на школьную парковку, снеся пластиковый шлагбаум. Толпа подростков и учителей в слепой панике металась по двору, пытаясь пробиться к подземным убежищам. Эйден выскочил из машины, расталкивая людей плечами.

— Хлоя! Хлоя! — он срывал голос, вглядываясь в сотни испуганных лиц.

Его толкнули, он упал на колени, содрав кожу, но тут же вскочил. И тогда он увидел её. Она стояла у ступенек, прижимая к груди рюкзак, совершенно растерянная.

— Эйден! — её крик потонул в вое сирен, но он прочитал его по губам.

Он схватил её за руку, рывком притягивая к себе.

— В машину! Живо! — гаркнул он, не давая ей времени на вопросы.

— Что происходит?! Что это в небе?!

— Нам нужно в военный бункер под Капитолием, я видел протоколы эвакуации! Держись!

Резина взвизгнула, когда машина сорвалась с места. Эйден гнал к эстакаде, ведущей в центр города. Небо над ними начало наливаться болезненным фиолетовым светом. Воздух завибрировал.

Время вышло.

Первый удар они даже не услышали. Они его почувствовали.

Ослепительный луч чистой энергии ударил с небес прямо в деловой квартал в нескольких километрах от них. Ударная волна сжала воздух в бетонную стену.

Машина Эйдена как раз въехала на подвесной мост, когда взрывная волна настигла их. Асфальт впереди пошел волнами. Тяжелый электрокар подбросило в воздух, словно пушинку. Мир закружился в чудовищной карусели из битого стекла, скрежета металла и криков. Двери вырывало с корнем, ремни безопасности лопнули от перегрузки.

Эйдена выбросило из салона. Время замедлилось. Он видел, как машина, кувыркаясь, летит к краю моста. Видел, как Хлою выбрасывает на асфальт в нескольких метрах от него.

А затем последовал удар.

Тупая, парализующая боль прошла грудь. Эйден захрипел, чувствуя во рту вкус железа. Он попытался приподняться, но тело не послушалось. Опустив дрожащий взгляд, он увидел ржавый, зазубренный кусок арматуры, торчащий из разрушенного полотна моста. Металлический прут пробил его насквозь, войдя под ребра и выйдя из спины.

— Эй... ден...

Он повернул голову. Хлоя лежала на боку, из пореза на её лбу текла кровь, но она была жива. Она тянула к нему дрожащую руку, её глаза были расширены от первобытного ужаса.

Эйден хотел сказать ей: «Всё будет хорошо. Беги». Он хотел извиниться. Хотел крикнуть, что это он виноват, что это он нажал чертову кнопку. Но из горла вырвался лишь булькающий кровавый кашель.

Небо над ними расколосось, выпуская рои десантных капсул. Земля горела. Часовая война только началась, но для Эйдена она уже закончилась.

Холод начал расползаться от груди к конечностям. Крик сестры становился всё тише, пока не превратился в белый шум. Последнее, что увидел Эйден перед тем, как тьма поглотила его — это тень огромного черного корабля, накрывшая разрушенный мост.

Тьма не была пустой. Она пахла антисептиком и озоном — запахами времен Великого Карантина.

Эйдену снова было восемнадцать. Он сидел на потертом диване в их старой квартире. За окном выли сирены скорых помощей, но здесь, внутри, было тихо. Напротив него сидел отец. Еще здоровый, с легкой сединой на висках и усталой, но теплой улыбкой. Он тяжело положил руку на плечо Эйдена. Пальцы отца были горячими и твердыми.

— Мир сходит с ума, сынок, — голос отца звучал глухо, словно сквозь толщу воды. — Я не знаю, что будет завтра. Никто не знает. Но что бы ни случилось... обещай мне.

Отец сжал его плечо сильнее, заглядывая прямо в глаза.

— Хлоя слишком мала. Она не выживет одна в этом хаосе. Ты — ее старший брат. Ты ее стена. Обещай, что будешь присматривать за ней. Что бы ни произошло. Любой ценой, Эйден. Обещай мне.

— Обещаю, пап, — одними губами ответил Эйден.

«Я нарушил обещание», — пронеслась мысль, и образ отца рассыпался пеплом. Тьма раскололась от вспышки невыносимой боли.

Эйден резко втянул воздух, словно вынырнув из-под толщи ледяной воды, и захлебнулся кашлем. Первое, что он почувствовал — это запах. Никакого горящего пластика, асфальта или городской пыли. Пахло сыростью, плесенью и старым камнем.

Он лежал на чем-то твердом и ледяном. Эйден распахнул глаза, но увидел лишь густой полумрак. Голова раскалывалась так, будто в череп забили раскаленный гвоздь. Мозг словно пытался отторгнуть что-то чужеродное внутри себя. Стон вырвался из его горла.

Память обрушилась лавиной: сирены, фиолетовое небо, взрыв, полет, арматура...

Арматура!

Эйден в панике схватился за грудь, ожидая нащупать рваную рану, липкую кровь и торчащий металл. Его пальцы скользнули по грубой ткани какого-то балахона. Он судорожно разорвал ворот, ощупывая кожу.

Ничего.

Гладкая кожа. Ни крови. Ни боли в ребрах. Даже шрама не было. Грудь мерно вздымалась, сердце билось ровно, хотя он точно помнил, как холод металла пробил его насквозь. Он помнил вкус собственной смерти.

— Хлоя... — хрипло выдохнул он.

Где она? Что с ней стало на том мосту?

Преодолевая тошноту и пульсирующую боль в висках, Эйден заставил себя сесть. Зрение начало привыкать к темноте. Он находился в тесной камере. Стены были сложены из грубого, влажного камня, с потолка капала вода. Это место меньше всего походило на камеры на космических кораблях пришельцев, которые описывали в фантастических книгах. Скорее, это был средневековый данж.

Он перевел взгляд вперед и замер. Тяжелая, окованная ржавым железом дверь камеры... была приоткрыта. Из узкой щели в коридор сочился тусклый желтоватый свет.

Ни замков. Ни охраны. Дверь просто оставили открытой.

Эйден с трудом поднялся на ноги. Головокружение едва не бросило его обратно на каменный пол, но он оперся о стену. Что-то было не так. Внутри него, в самой его сути, словно пульсировало второе сердцебиение, отдаваясь эхом в раскалывающейся голове.

Он не понимал, где он, почему он жив и почему на нем этот странный балахон. Но он помнил обещание.

Шатаясь, Эйден шагнул к приоткрытой двери и толкнул её. Петли беззвучно поддались.

Коридор встретил его могильной тишиной, которую нарушал лишь мерный, протяжный скрип — где-то впереди сквозняк раскачивал тяжелые металлические створки на узких окнах-бойницах. Свет здесь был тусклым, льющимся от редких люминесцентных ламп, небрежно вмонтированных прямо в древнюю каменную кладку. Этот диссонанс резал глаз.

Эйден сделал шаг, опираясь рукой о влажную стену. Боль в голове вспыхнула с новой силой. Казалось, чужие, незнакомые образы скребутся изнутри черепа, пытаясь вырваться наружу. Он стиснул зубы и побрел вперед, тяжело дыша. Ему нужно найти выход. Найти связь. Узнать, что с Землей. Узнать, что с Хлоей.

За очередным поворотом коридор расширился, переходя в подобие караульного поста. Эйден замер, вжавшись в тень.

Спиной к нему стоял охранник. И это был не человек. Точнее, гуманоидная фигура была закована в глухую, матово-черную космоброню среднего класса. На спине мягко пульсировали синие индикаторы системы жизнеобеспечения. Вместо лица — гладкий, непроницаемый визор шлема, отражающий тусклый свет ламп. В руках солдат держал короткую, угловатую винтовку, не похожую ни на одно земное оружие.

Эйден попытался отступить назад, но под его босой ногой предательски хрустнул мелкий камень.

Охранник мгновенно обернулся. Визор шлема вспыхнул красным сканирующим лучом, фиксируясь на беглеце. Солдат вскинул оружие, издав гортанный, металлический рык, усиленный вокодером шлема.

Эйден вскинул руки, инстинктивно закрывая лицо.

И в эту секунду мир содрогнулся.

Оглушительный взрыв ударил снаружи, сотрясая каменные своды. Узкие окна ослепительно вспыхнули, залив коридор режущим белым светом. Взрывная волна выбила створки, швырнув осколки камня и металла внутрь. Охранника отбросило к противоположной стене, его броня жалобно скрежетнула по камню, и он обмяк.

Сирены — пронзительные, чужие, не похожие на земные — взвыли на разные голоса. За стенами раздался грохот канонады.

Воспользовавшись суматохой, Эйден бросился вперед. Перешагнув через бесчувственного охранника, он толкнул тяжелую бронедверь в конце коридора, над которой мигал аварийный красный маяк. Дверь поддалась, выпуская его наружу.

Эйден вывалился на металлический пандус и застыл, пораженный открывшейся картиной.

Иллюзия средневековой тюрьмы рухнула. Темница оказалась лишь основанием гигантской, футуристичной военной базы. Вокруг высились мрачные башни из черного металла, соединенные паутиной подвесных мостов. Внизу, в траншеях и на посадочных площадках, носились сотни бронированных солдат.

Но самым страшным было небо.

Оно было неестественно черным, усыпанным чужими, невероятно яркими и крупными звездами. Это была не Земля.

Небо над базой пылало. Гигантский, похожий на расправившую крылья птицу космический корабль, прорвав облака, поливал базу шквальным огнем. Из его брюха, оставляя за собой огненные инверсионные следы, сыпались десантные капсулы нападавших.

Эйден попытался вдохнуть, но горло сдавило спазмом. Воздух здесь был другим. Разреженным, с привкусом меди и статического электричества. Легкие горели огнем от нехватки кислорода. Экипировки не было, только тонкий тюремный балахон.

Голова закружилась. Оседая на колени на холодный металл пандуса под рев чужой войны, Эйден понял, что его проблемы только начинаются.

Эйден судорожно хватал ртом разреженный воздух, но легкие горели, отказываясь насыщать кровь кислородом. Зрение начало затягивать серой пеленой. Сквозь грохот взрывов и вой сирен он услышал тяжелые, лязгающие шаги.

Сквозь слезящиеся глаза он увидел, как из дыма на пандус вышагнул один из солдат базы. Матово-черная броня, безликий красный визор. Заметив корчащегося на металле пленника в тюремном балахоне, солдат издал короткий рык по внутренней связи и убрал винтовку за спину. Он шагнул к Эйдену, протягивая массивную, закованную в металл перчатку, чтобы схватить беглеца за горло.

Эйден попытался отползти, но тело, ослабшее от удушья и раскалывающейся головной боли, не слушалось. Пальцы солдата уже почти сомкнулись на его шее.

А затем мир взорвался светом.

Солдата просто сдуло с пандуса. Удар был такой силы, что тяжелая черная броня смялась, как фольга, и боец с лязгом рухнул в траншею на несколько ярусов ниже.

Эйден прикрыл лицо рукой от ослепительной вспышки и потока обжигающего воздуха. Когда он снова открыл глаза, перед ним кто-то стоял.

Это была девушка.

Она была закована в изящную, но явно прочную боевую экипировку темно-красного цвета, плотно облегающую фигуру и покрытую сложным геометрическим узором, который тускло светился изнутри. В её правой руке хищно поблескивал клинок средней длины — невероятно красивый, выкованный из странного темного металла, по лезвию которого пробегали искры.

Но не броня и не оружие заставили Эйдена забыть о нехватке воздуха.

За спиной девушки, со стороны левого плеча, пылало крыло. Одно-единственное крыло, сотканное не из перьев, а из чистой, ревущей энергии. Оно переливалось оттенками фиолетового, золотого и багрового — словно кто-то вырвал кусок туманности из открытого космоса и придал ему форму. Крыло пульсировало, разбрасывая вокруг искры звездного огня, от которых металл пандуса мгновенно раскалялся докрасна.

Девушка плавно обернулась, открывая лицо, и Эйден увидел пронзительные глаза. В них отражалось пламя битвы и какая-то древняя, нечеловеческая сила.

Она сделала шаг к нему, и Эйден, охваченный первобытным ужасом перед этим невероятным существом, потерял сознание, проваливаясь в спасительную темноту под рев чужой войны.

Глава 3 - Новый мир

*Шире открой глаза, живи так
жадно, как будто через десять
секунд умрешь. Старайся увидеть
мир. Он прекраснее любой мечты.
созданной на фабрике и оплаченной
деньгами.*

Рэй Брэдбери

Первым вернулось дыхание.

Эйден сделал глубокий, жадный вдох, ожидая, что легкие снова обожжет разреженным, металлическим воздухом чужой тюрьмы. Но вместо этого он вдохнул чистый, прохладный аромат, напоминающий запах озона после грозы, смешанный с чем-то неуловимо сладким, похожим на цветение.

Головная боль, которая сводила его с ума, притупилась. Она не исчезла полностью, превратившись в глухую пульсацию где-то на затворках сознания, словно спящий зверь, но теперь с ней можно было жить.

Эйден с трудом разлепил веки.

Здесь не было тусклых ламп или сырых каменных сводов. Он лежал на ложе, которое идеально повторяло контуры его тела. Материал казался мягким, как вода, но при этом упруго поддерживал спину. Комната была залита мягким, теплым светом, источник которого невозможно было определить — казалось, светились сами жемчужно-белые стены с плавными, био-дизайнерскими изгибами.

Справа от ложа в воздухе медленно вращалась голографическая проекция — сложная многомерная спираль, переливающаяся золотистыми символами. Это было похоже на медицинский монитор, но символы напоминали скорее древние руны, чем медицинские данные.

«Где я?» — мысль эхом отозвалась в пустой голове.

А потом он вспомнил. Мост. Хлоя. Арматура в груди. Тюрьма. И... девушка с крылом из звездного пламени.

Эйден резко сел. Сердце забило быстрее, монитор рядом с ним предупреждающе мигнул и сменил цвет на оранжевый.

Дверь в палату — если это можно было так назвать — беззвучно растворилась в стене. Внутрь шагнула она.

На ней больше не было той тяжелой темно-красной брони. Девушка была одета в легкий, облегающий костюм серебристо-серого цвета, поверх которого была накинута асимметричная мантия. Её левое плечо было скрыто тканью, и сейчас там не пылало то чудовищное и прекрасное крыло. Но глаза остались теми же — глубокими, древними, изучающими.

Эйден инстинктивно вжался в ложе. Паника ледяной волной захлестнула разум. Кто она? Что им нужно? Это они напали на Землю или те, другие, с черными визорами?

— Где моя сестра?! — вырвалось у него. Голос прозвучал жалко и хрипло. — Что вы со мной сделали?!

Девушка не изменилась в лице. Она плавно приблизилась, остановившись у края ложа. Заговорила, но Эйден не понял ни слова. Её голос был мелодичным, звучным, но язык состоял из сложных переливов, щелкающих согласных и тягучих гласных, не имеющих ничего общего ни с одним земным диалектом.

Поняв, что он её не понимает, она чуть склонила голову набок. В её взгляде мелькнуло странное сочувствие.

Она протянула руку. Её пальцы, изящные, но сильные, потянулись к его лицу.

Эйден хотел отшатнуться, хотел крикнуть, чтобы она не смела его трогать, но тело словно сковало невидимой силой. Её ладонь легла ему на лоб, а большой палец мягко коснулся виска.

В ту же секунду мир вокруг исчез.

В голове Эйдена вспыхнула сверхновая. Он не почувствовал боли, только невероятный, ошеломляющий поток тепла, который хлынул прямо в его мозг. Чужие образы, звуки, концепции и правила грамматики врезались в его нейронные связи, встраиваясь в них, как недостающие фрагменты пазла.

Он задохнулся от этого ментального удара, закрыв глаза.

Когда он открыл их снова, девушка уже убрала руку. Она смотрела на него сверху вниз, и теперь её губы произнесли те же самые звуки, но в сознании Эйдена они мгновенно перевелись в осмысленную фразу.

— Всё хорошо, — её голос звучал мягко, но в нем чувствовалась сталь командира. — Помощь уже пришла. Ты в безопасности.

Слова прозвучали в его сознании кристально ясно, хотя Эйден точно знал, что акустически они звучали иначе. Вместе с пониманием языка пришло кое-что еще.

От её ладони, все еще лежащей на его виске, по телу разлилась теплая, пульсирующая волна. Паника, которая секунду назад душила его, заставляя сердце биться о ребра, начала стремительно угасать. Это не было похоже на действие транквилизаторов, которые превращают мысли в вату. Нет, его разум оставался ясным, но первобытный страх отступил, сменившись глубоким, почти неестественным умиротворением. Аура спокойствия, исходившая от этой девушки, укутала его, как невидимое одеяло.

Она медленно убрала руку и отступила на шаг, давая ему личное пространство.

— Моя сестра... — Эйден сглотнул пересохшим горлом. Голос слушался уже лучше. — Там, на Земле. Мосту. Мы попали под удар, я видел корабли...

— Твоему телу и разуму нужно время, чтобы адаптироваться, — мягко прервала она. В её тоне не было снисходительности, только тихая уверенность. — Ты пережил то, что должно было убить тебя. Дважды. Если я обрушу на тебя всю правду прямо сейчас, твое сознание может не выдержать.

Эйден попытался сесть ровнее. Ложе под ним плавно изменило форму, поддерживая спину.

— Кто ты? — тихо спросил он, глядя в её древние глаза.

Девушка чуть заметно улыбнулась. Улыбка получилась краешком губ, печальной и понимающей.

— Мое полное имя Кириэль. Но, учитывая, что твой речевой аппарат пока только привыкает к нашей лингвистике, чтобы тебе было проще — зови меня Кира.

— Кира, — послушно повторил Эйден. Имя на чужом языке, вложенном прямо в его мозг, прозвучало на удивление естественно. — Где я, Кира? И кто такие «вы»?

Она повела рукой в сторону мерцающей голографической спирали, и золотистые руны послушно свернулись, растворившись в воздухе.

— Я понимаю, что у тебя сейчас тысячи вопросов, Эйден, — сказала она, назвав его по имени. Он даже не удивился, что она его знает — после ментального контакта это казалось логичным. — Ты хочешь знать, где ты, что стало с твоим миром и почему на тебе нет ни единого шрама. Я обещаю, что помогу с ответами на них. Но не сейчас.

Она сделала паузу, внимательно вглядываясь в его лицо, словно ища что-то.

— Поверь, Эйден, — добавила она, и её голос стал чуть серьезнее. — У нас к тебе вопросов ничуть не меньше. То, как ты оказался у Авангарда, и то, что мы нашли внутри тебя... это не поддается нашему пониманию. Но пока — просто отдыхай.

Кира развернулась к выходу. Створки двери уже начали бесшумно расходиться перед ней, когда Эйден окликнул её:

— Вы спасли меня. Зачем?

Она остановилась. Не оборачиваясь, Кира склонила голову, словно прислушиваясь к чему-то, что слышала только она.

— Потому что иногда, чтобы выиграть войну, нужен тот, кто умеет открывать закрытые двери, — тихо ответила она. — Набирайся сил. Завтра мы поговорим.

Дверь сомкнулась за её спиной, оставив Эйдена в мягком свете пустой палаты. Аура спокойствия всё ещё витала в воздухе, но в груди уже начало разгораться новое чувство — жгучее желание докопаться до истины.

Когда дверь за Кирой закрылась, Эйден остался в звенящей тишине.

Он лег обратно, и умное ложе мягко обхватило его плечи, подстраиваясь под температуру тела. Аура спокойствия, оставленная прикосновением девушки, всё ещё витала в воздухе, смешиваясь с накопившейся чудовищной усталостью. Его мозг, перегруженный инопланетным языком, стрессом и невозможными событиями последних часов, отчаянно требовал перезагрузки.

Свет в палате начал медленно тускнеть, словно реагируя на его состояние. Глаза закрылись сами собой. Эйден провалился в сон так же стремительно, как камень падает в темную воду.

Но этот сон был другим.

Обычно ему снились формулы, орбитальные графики или, в худшие ночи, пустота безлюдных улиц времен пандемии. Но то, что он видел сейчас, ему не принадлежало. Это было чужое воспоминание, воспроизведенное на сетчатке его глаз.

Он не чувствовал своего тела. Вокруг не было стен, только бесконечное, клубящееся пространство, сотканное из пепла и золотых искр.

В центре этого пространства стояла фигура. Она сияла ослепительным, чистым белым светом, настолько ярким, что на неё было больно смотреть даже во сне. Свет пульсировал в такт биению невидимого, гигантского сердца. От фигуры исходила аура абсолютного, подавляющего могущества, но вместе с тем — невыносимой, древней печали.

Фигура стояла спиной к Эйдену, обращаясь к кому-то невидимому, скрытому в тенях клубящегося пепла.

Голос прозвучал не в ушах, а прямо внутри сознания — глубокий, резонирующий, заставляющий вибрировать саму ткань пространства.

«Неужели конец так близок?»

Слова повисли в пустоте, тяжелые, как свинец. Тень впереди шевельнулась, но прежде чем невидимый собеседник успел ответить, белый свет вспыхнул с интенсивностью сверхновой, поглощая всё вокруг.

Эйден резко распахнул глаза.

Он тяжело дышал, вцепившись пальцами в края ложа. В палате царил мягкий полумрак. Никакого пепла. Никакого белого света. Только мерное гудение невидимых приборов.

Он поднес дрожащую руку к лицу. Кожа была холодной и покрылась испариной. Эйден прижал ладонь к груди, туда, где должно было биться сердце. Оно билось, быстро и загнанно. Но на какую-то долю секунды ему показалось, что под его собственным, привычным ритмом, глубоко внутри, отзывается слабое, едва уловимое эхо другого, чужого пульса.

Эйден сел на кровати, спустив босые ноги на гладкий пол. Сон отступил, оставив после себя горькое послевкусие чужой тревоги.

Он больше не мог просто лежать и ждать. Ему нужны были ответы.

Глава 4 - Аномалия

Эйден сидел на краю ложа, глядя в пол, когда дверь в палату снова беззвучно растворилась в стене.

На пороге стояла Кира. На этот раз она выглядела совершенно иначе. Серебристый костюм и мантию сменила практичная, почти земная на вид одежда: темные, плотно облегающие брюки из плотной ткани и свободная куртка с высоким воротником, отдаленно напоминающая форму для тренировок. Если бы не её пронзительные, нечеловечески глубокие глаза, она могла бы сойти за студентку с кампуса на Земле.

В руках она держала стопку аккуратно сложенных вещей.

— Как ты себя чувствуешь? — спросила она, переступая порог. Её голос, благодаря вложенному в сознание Эйдена пониманию языка, звучал мягко и естественно.

— Будто меня переехал поезд. Дважды, — хмуро ответил он, потирая виски. — А потом в голову загрузили энциклопедию. Но... жить буду.

Кира едва заметно улыбнулась уголками губ и положила одежду на край ложа.

— Это хорошо. Нам пора поговорить. Переодевайся, — она кивнула на стопку. — Как будешь готов, выходи. Я жду за дверью.

Одежда оказалась на удивление удобной. Ткань, напоминающая мягкий графит, сама подстроилась под его рост и комплекцию, стоило Эйдено её надеть. Натянув легкие ботинки без шнурков, он вздохнул и шагнул за дверь.

Коридор, в который он вышел, поражал простором. Стены из того же жемчужно-белого материала мягко светились, а вместо окон тянулись длинные голографические панели, транслирующие какие-то успокаивающие пейзажи. Вокруг было много людей — точнее, тех, кто выглядел как люди. Медперсонал в светлых тонах, пациенты, кто-то в гражданском.

И все они смотрели на Эйдена.

Разговоры стихали, стоило ему пройти мимо. Взгляды были разными: настороженными, любопытными, откровенно подозрительными. Он чувствовал себя экспонатом в зоопарке.

— Не обращай внимания, — тихо произнесла Кира, идя на полшага впереди. — Ты для них аномалия. Мы не часто привозим гостей из камер Авангарда.

Они подошли к широким двойным дверям в конце коридора. Створки разъехались, и Эйден шагнул... в другой мир.

Он ожидал увидеть космическую станцию или мрачную военную базу. Но перед ним раскинулся залитый солнцем мегаполис. Огромные, невероятной высоты шпили из белого камня и стекла уходили в лазурное небо. Между ними по невидимым трассам скользили обтекаемые транспортные капсулы. Но город не казался холодным и техногенным: здания утопали в зелени — гигантские деревья со светящимися серебристыми листьями росли прямо на многоуровневых террасах, а внизу виднелись широкие парки.

Это был обычный будний день. Местные жители — одетые в разнообразные, но неизменно элегантные одежды — спешили по своим делам, гуляли, разговаривали.

У Эйдена перехватило дыхание. На секунду ему показалось, что он снова в Новом Вашингтоне, до Вторжения. Но два солнца в небе быстро разрушили эту иллюзию.

— Красиво, правда? — голос Киры вывел его из оцепенения. Она указала рукой в сторону широкой платформы, парящей в нескольких метрах над землей. — Нам туда.

У края платформы их ждал транспорт — вытянутый, бронированный челнок с матовой черной обшивкой. Возле открытого люка стояли четверо солдат в тяжелой, угловатой экипировке с закрытыми шлемами. Увидев Эйдена, они синхронно положили руки на рукоятки своего оружия, висящего на магнитных креплениях.

— Подстраховка? — усмехнулся Эйден, покосившись на Киру.

— Протокол, — спокойно ответила она. — Ты — неизвестный фактор. Штаб Корпуса не любит сюрпризов. Пошли.

Они поднялись на борт. Внутри салон челнока оказался тесным и утилитарным. Эйден сел напротив Киры, двое солдат устроились по бокам, а еще двое заняли места у кабины пилота. Люк с шипением закрылся, отрезая шум города, и челнок плавно, без единого звука двигателей, сорвался с места.

Несколько минут они летели в тяжелом молчании. Эйден смотрел в небольшое тонированное окно, пытаясь осознать, как далеко он находится от дома.

Один из солдат, сидящий слева от него, вдруг чуть повернул голову. Визор его шлема мигнул.

— Значит, это ты тот самый парень? — раздался из-под шлема искаженный динамиком, но явно молодой и любопытный голос.

Эйден перевел взгляд на солдата.

— Смотря о каком парне речь, — осторожно ответил он.

— О том, который заставил Авангард совершить ошибку, — хмыкнул боец, игнорируя предупреждающий взгляд Киры. — Мы гонялись за этими призраками почти полвека. А потом какой-то примитивный сигнал из сектора, которого даже нет на наших звездных картах, заставляет их снять маскировку. Командир говорит, ты спас миллионы жизней тем, что подставил свой мир под удар.

Внутри Эйдена словно оборвался трос. Воздух в легких мгновенно заledenел.

В салоне челнока повисла мертвая тишина. Гудение антигравитационных двигателей казалось единственным звуком в мире.

Слова молодого солдата эхом бились в черепе Эйдена: «Подставил свой мир под удар». Значит, Авангард пришел не случайно. Они не просто так выбрали Землю. Его сигнал был не

только «стуком в дверь», но и маяком, который выдал их координаты. Он, Эйден, собственноручно привел палачей в свой дом.

Гнев, горячий и удушливый, поднялся к горлу, смешиваясь с тошнотворным чувством вины. Ему захотелось вскочить, схватить этого болтливого бойца за горло, разбить этот гладкий шлем. Но он не сделал этого. Вместо ярости он выбрал ледяной контроль — тот самый, который помогал ему писать сложные алгоритмы ночами напролет.

Эйден медленно повернул голову к Кире. Его глаза потемнели, челюсти сжались так, что на скулах заиграли желваки.

— Что он несет? — голос Эйдена был тихим, почти шепотом, но от этого ледяного тона солдат слева заметно напрягся. — Что значит «подставил свой мир»?

Кира бросила на молодого солдата короткий, но такой уничтожающий взгляд, что тот инстинктивно вжал голову в плечи и отвернулся к иллюминатору. Затем она посмотрела на Эйдена. Её лицо оставалось непроницаемым маской дисциплинированного офицера.

— Рядовой превысил свои полномочия, — ровным тоном произнесла она. — Я понимаю твоё состояние, Эйден. Но я не уполномочена обсуждать с тобой детали операции и глобальную геополитику Конфедерации.

— Вы забрались в мою голову, — процедил он, подаваясь вперед. — Вы вытащили меня с базы Авангарда. А теперь ты говоришь мне о протоколах?

— Командир ответит на все твои вопросы, на которые сочтет нужным, — непреклонно ответила Кира, не отводя взгляда. — Моя задача — доставить тебя в штаб в целости и сохранности. Мы почти на месте. Сохраняй спокойствие, ради своего же блага.

Эйден откинулся на спинку сиденья, скрестив руки на груди. Он больше не произнес ни слова до самой посадки.

Челнок плавно заложил вираж и начал снижение. За окном промелькнул циклопический купол из темного стекла и металла, разительно контрастирующий с белыми шпилями города. Это был штаб Корпуса.

Когда люк открылся, Эйден вышел первым, не дожидаясь приглашения. Воздух здесь, на закрытой посадочной площадке, пах озоном и раскаленным металлом. Кира и солдаты плотным кольцом обступили его, направляя к широким бронированным дверям.

Они шли по длинным, аскетичным коридорам, заполненным военными и аналитиками. Никакой зелени и успокаивающих голограмм — только строгие линии, тактические экраны и постоянное движение.

Наконец, они остановились перед массивной дверью. Кира приложила ладонь к сенсору. Дверь ушла в стену, открывая просторный, полукруглый кабинет.

В центре стоял огромный голографический стол, над которым медленно вращалась проекция звездной карты. У стола стоял мужчина.

Он был высок, с резкими, аристократичными чертами лица и коротко стриженными седыми волосами. Его униформа, темно-синяя с серебряными вставками, сидела безупречно. От него не исходило той угрожающей, обжигающей энергии, как от Киры во время боя, но его осанка и цепкий взгляд выдавали человека, привыкшего повелевать тысячами.

— Оставьте нас, — голос командира был спокойным, но не терпел возражений.

Солдаты отсалютовали и вышли. Кира на секунду задержалась, коротко кивнув Эйдену, и тоже покинула кабинет. Двери закрылись, отсекая шум штаба.

Командир сделал плавный жест рукой в сторону кресла напротив стола.

— Присаживайся, Эйден. Меня зовут генерал Варис. И прежде чем ты начнешь задавать вопросы, позволь мне сказать главное. Ты находишься на Элизиуме, территории Конфедерации. Ты в безопасности. И, несмотря на то, как это выглядит... мы тебе не враги.

Эйден проигнорировал приглашение сесть. Он остался стоять, скрестив руки на груди, напряженный, как натянутая струна.

— Вы знаете мое имя, — глухо произнес он. — Знаете, откуда я. Значит, вы успели порыться в моих воспоминаниях?

Генерал Варис даже не моргнул. Он плавно обошел голографический стол и остановился в нескольких шагах от Эйдена.

— Контакт, который провела Кириэль, это двусторонний процесс, Эйден. Чтобы передать тебе знание нашего языка, ей пришлось на секунду соприкоснуться с поверхностным слоем твоего сознания. Никто не рылся в твоей памяти намеренно. Но мы увидели достаточно, чтобы понять: твой мир был не готов к тому, что на него обрушилось.

Генерал тяжело вздохнул и указал на мерцающую проекцию Галактики над столом.

— Раз ты понимаешь меня, значит, языковой барьер пройден. Позволь ввести тебя в курс дела. Ты находишься на Элизиуме. Это один из центральных миров Конфедерации — союза десятков развитых цивилизаций. Мои люди — фракция Алари. Мы... хранители порядка, если можно так выразиться.

— А те, кто сжег мой дом? — перебил Эйден. Голос предательски дрогнул. — Они тоже часть вашей Конфедерации?

— Нет, — лицо Вариса потемнело. — Те, кто напал на Землю, называют себя Авангардом. И они — раковая опухоль этой Галактики.

Генерал сделал неувловимый жест, и проекция над столом изменилась. Звездная карта окрасилась красными маркерами в разных уголках космоса.

— Авангард не подчиняется никому, — продолжил Варис. — Это фанатики, обладающие технологиями, опережающими наши на столетия. У них нет родного мира, нет видимых линий снабжения. Они появляются из ниоткуда, стирают цивилизации в пыль и исчезают, не оставляя даже энергетического следа, по которому их можно было бы отследить. Мы охотились за ними десятки лет. Вслепую. Пока не появился ты.

Эйден сжал кулаки. Слова болтливого солдата в челноке снова всплыли в памяти.

— Тот сигнал, Эйден, — генерал посмотрел ему прямо в глаза. — То «рукопожатие», которое ты отправил. Оно сработало как мощнейший пространственный якорь. Авангарду пришлось отключить свои маскировочные поля, чтобы открыть проход к Земле. Впервые за полвека мы увидели их на радарах. Мы прыгнули за ними так быстро, как смогли.

— Но вы не успели, — Эйден горько усмехнулся. — Вы опоздали. Вы прилетели не спасать Землю. Вы прилетели за ними.

— Мы солдаты, Эйден, — ровно ответил Варис. — Наша задача — уничтожить угрозу для всей Конфедерации. Мы атаковали их базу-плацдарм. Но даже тогда они почти успели ускользнуть. Авангард никогда не оставляет пленных, никогда не оставляет улики. То, что Кириэль смогла вытащить тебя до того, как они свернули пространство... это чудо. Ты — первый в истории, кто побывал в руках Авангарда и остался жив.

Генерал сделал паузу, внимательно изучая лицо Эйдена.

— Но это не единственная причина, по которой ты здесь, Эйден.

— Что еще?

— Наши медики обследовали тебя, пока ты был без сознания, — Варис прищурился. — Твой мир, Земля — это мир чистых технологий. У вас нет связи со звездной энергией. У вас нет того, что мы называем магией.

— Магией? — Эйден недоверчиво покачал головой. Он вспомнил огненное крыло Киры. — Так это не технологии?

— У Кириэль — нет, — подтвердил генерал. — Алари рождаются с этим. Но вот в чем загадка, Эйден. Когда мы просканировали твоё тело... мы обнаружили внутри тебя энергетическую сигнатуру. Слабую, хаотичную, но несомненно магическую. Внутри обычного землянина пульсирует энергия, которой там быть не может. И мы не знаем, откуда она взялась.

Эйден замер. В памяти мгновенно вспыхнул недавний сон: фигура из чистого света и голос, резонирующий в черепе.

«Неужели конец так близок?»

Эйден слушал генерала, и в его ушах пульсировала кровь.

Магия. Энергия. Аномалия.

Он вспомнил свой сон. Ослепительный белый свет, невыносимую печаль и тот чужой пульс глубоко в своей груди, который он принял за последствие клинической смерти. Значит, Авангард не просто пытал его. Они что-то с ним сделали. Что-то вложили в него.

«Сказать им?» — пронеслась мысль. «Рассказать про сон и голос?»

Эйден посмотрел на генерала Вариса. Взгляд военного был оценивающим, расчетливым. Для Конфедерации Эйден был не человеком, потерявшим всё. Он был ключом к разгадке их главного врага и уникальным подопытным кроликом.

«Наука требует осторожности», — мысленно поправил себя Эйден.

— Я не знаю, о чем вы говорите, генерал, — холодно ответил он, ни мускулом не выдав своего волнения. — Я был инженером-аналитиком. У меня нет никакой магии. Если внутри меня что-то есть, то это сделали *они*. В той тюрьме.

Варис медленно кивнул, словно ожидая такого ответа.

— Именно поэтому ты представляешь для нас колоссальный интерес. Авангард никогда не применял магические манипуляции. Они технологические фанатики. Если они изменили тебя... нам нужно знать, как и зачем.

— И что теперь? — Эйден прищурился. — Посадите меня в пробирку? Разберете на молекулы?

— Мы не варвары, Эйден, — голос генерала стал жестче. — Завтра тебя представят Высшему Совету. Это собрание сильнейших магов Конфедерации, представляющих каждый аспект звездной энергии. Если кто-то и сможет понять, что скрыто в твоём теле и разуме, то только они. До тех пор ты будешь находиться под нашей опекой.

Эйден молчал несколько долгих секунд. Его разум, привыкший просчитывать вероятности, быстро выстраивал новую картину мира. Он один. На другом конце Вселенной. У него нет оружия, нет корабля, нет знаний об этой реальности. Но у него есть то, что нужно им. Он — их единственный зацеп за Авангард.

— Я согласен, — твердо произнес Эйден. Он наконец-то сделал шаг вперед, опершись руками о край голографического стола, заставив генерала встретиться с ним взглядом. — Я предстану перед вашим Советом. Я позволю вам изучать эту вашу... энергию. Позволю копаться в моей голове, искать следы Авангарда. Я буду сотрудничать.

Генерал Варис слегка приподнял бровь.

— Разумный выбор.

— Но мне нужна ваша помощь, генерал, — голос Эйдена стал тише, но в нем зазвенела непоколебимая решимость. — Я ученый, как и ваши аналитики. И я знаю, что разум, сломленный горем и неопределенностью, — это плохой инструмент. На том мосту, во время удара, со мной была моя младшая сестра. Хлоя.

Эйден сделал глубокий вдох, подавляя эмоции.

— Я не в том положении, чтобы диктовать Конфедерации условия. У меня нет ни сил, ни власти. Но если вы хотите получить от меня максимум... если вы хотите, чтобы я выжил в процессе ваших исследований и помог вам понять Авангард, мне нужен смысл. Мне нужно знать, что вы ищете её. Используйте свою разведку. Помогите мне спасти её, и вы получите мою абсолютную преданность. Это не ультиматум, генерал. Это сделка.

В кабинете повисла тишина. Генерал Варис долго смотрел на землянина. Как военный, он уважал логику и прагматизм. Этот парень был напуган, слаб, раздавлен потерей дома, но он не истерил. Он пытался выжить ради другого человека.

— Земля сейчас под контролем Авангарда. Это закрытый сектор, — наконец, медленно произнес Варис. — Но Корпус не бросает ценные ресурсы. Я передам твою просьбу разведке. А до тех пор... добро пожаловать в Конфедерацию, Эйден.

Глава 5 - Резонанс

Никогда не ведите переговоры из страха. Но никогда не бойтесь вести переговоры. В сделке с неизвестностью самое важное — не стать простой разменной монетой.

Исторические архивы Земли, 20-й век.

«Никогда не ведите переговоры из страха. Но никогда не бойтесь вести переговоры. В сделке с неизвестностью самое важное — не стать простой разменной монетой». — *Исторические архивы Земли, 20-й век.*

Зал Высшего Совета напоминал гигантский античный амфитеатр, высеченный из цельного куска белого камня, но с технологиями, опережающими земные на тысячелетия. Воздух здесь был густым, наэлектризованным от скрытой мощи собравшихся. Над центром зала, прямо в воздухе, медленно вращалась голограмма звездной системы Элизиума.

Эйден стоял на круглой платформе в самом низу. Кира застыла на шаг позади него, облаченная в парадную униформу Корпуса Алари. Генерал Варис занял место на средних ярусах, среди военных чинов — он стоял, скрестив руки на груди, с видом человека, который предпочел бы оказаться на поле боя, а не среди политиков.

Тут же, внизу, располагались троны советников. Правее сидели Эрианы, облаченные в светло-зеленые мантии; их глаза светились мягким изумрудным светом, а в воздухе вокруг них едва уловимо пахло озоном и лесной свежестью. Левее располагались Эхоны — мастера гравитации. Их темно-синие одежды переливались ярко-голубыми символами, а сами они сидели с нескрываемым высокомерием. Казалось, даже свет вокруг них преломляется иначе. Одно кресло, расположенное по центру слева, выкованное из белого металла, пустовало.

По центру справа восседал Советник Алари, Кассиан. Это был мужчина с глубокими морщинами, чья эпоха правления явно подходила к концу, но аура мудрости и непререкаемого авторитета заставляла остальных замолкать, стоило ему поднять взгляд.

— Представитель Предвестников всё еще на рубежах Приграничья, но мы можем начать без него. Землянин... — голос Советника Кассиана был негромким, но разнесся по всему залу без всяких усилителей. — Мы ознакомились с рапортом генерала Вариса. И с твоей... просьбой. Мы ценим твою готовность добровольно предоставить себя для изучения. Наш долг — понять, какую аномалию скрывает твое тело.

— Прежде чем мы перейдем к аномалиям, — резко вмешался Советник Эхонов Каэл, мужчина с хищными чертами лица. От его голоса воздух вокруг Эйдена слегка завибрировал, словно изменилось само давление. — Ответь мне, примитивный. Как твой мир вообще смог пробить маскировку Авангарда? Ваши технологии — это просто куски металла и проводов. Как вы создали сигнал такой плотности?

— Мы не используем магию, — ровно ответил Эйден, глядя прямо в голубые глаза Эхона. — Мы используем математику. Я нашел алгоритм, который...

— Математику! — брезгливо фыркнул Эхон, перебивая его. Несколько магов в синем одобрительно закивали. — Детские игры с цифрами привели в этот сектор смерть.

— Довольно, Каэл, — мягко, но веско произнес Советник Кассиан. — Мальчик здесь не для того, чтобы судить его мир. Приступим к главному. Советница Мирра, прошу.

Одна из магов-Эриан спустилась на пару ступеней.

— Постарайся не сопротивляться, Эйден. Это резонансный пульс. Он не причинит боли, лишь отразит твою внутреннюю суть.

Маг вскинула руку. Светло-зеленая волна энергии ударила Эйдена прямо в грудь.

Эйден сжался, но волна прошла сквозь него. Зал замер. Маги ждали, что аура землянина вспыхнет ответным цветом, покажет его принадлежность или природу экспериментов Авангарда. Но ничего не произошло. Мирра нахмурилась и пустила второй импульс, гораздо мощнее. Тот же результат.

— Резонанс не проходит, — удивленно констатировала Советница Мирра, обращаясь к залу. — Мой импульс не отвергается. Он... поглощается. Словно внутри него черная дыра. Энергия есть, я её фиксирую, но она спит. Или заблокирована настолько искусно, что наше воздействие бесполезно.

Зал взорвался.

— Бесполезно?! — рявкнул Советник Каэл, вскакивая со своего места. Пространство вокруг него исказилось. — Если он не открывается, мы вскроем его! Передайте его моим ментатам. Они вытащат из его коры головного мозга всё, вплоть до того, что он ел в своей колыбели!

— Вы хотите сжечь ему разум, Каэл?! — возмутилась женщина из ложи Эриан, ударив посохом об пол. В зале запахло грозой. — Мы не животные из Авангарда! Внутри него нестабильная сигнатура. Ваше грубое вмешательство может спровоцировать энергетический взрыв!

— Это риск, на который мы обязаны пойти! — прорычал другой Эхон. — Он неизвестный фактор! Он может быть бомбой замедленного действия, шпионом с заложенной программой!

— Тишина! — Советник Кассиан повысил голос, и его слова обрушились на зал тяжелой волной жара. Распря мгновенно утихла. Старец перевел тяжелый взгляд на средний ярус. — Генерал Варис. Какие будут мысли у Корпуса?

Генерал сделал шаг вперед.

— Вскрывать его разум — значит рисковать потерей единственного выжившего пленника Авангарда в нашей истории, — чеканя слова, произнес Варис. — Если энергию нельзя извлечь насильно, значит, она должна прорваться сама. Естественным путем.

— Вы предлагаете поместить аномалию в инкубатор? — язвительно спросил Эхон.

— Я предлагаю отдать его Корпусу, — парировал генерал. — Зачислите его в Академию. Стресс тренировок, угроза жизни, адреналин и физические нагрузки — это универсальный

катализатор для пробуждения магии. Мы поместим его в контролируемую среду. Если внутри него что-то есть, на полигоне оно проявит себя быстрее, чем под вашими скальпелями.

Советник Кассиан долго смотрел на генерала. Старый маг видел логику военного.

— Генерал прав. Эйден будет зачислен в Академию, — постановил Советник. Его слово было законом. — Корпус обеспечит наблюдение. Кто возьмет на себя личное попечительство над ним?

— Капитан Кириэль, — мгновенно ответил Варис.

Кира, стоявшая за спиной Эйдена, чуть вздрогнула. Её глаза на долю секунды расширились от удивления — стать нянькой для инопланетной аномалии явно не входило в её карьерные планы. Но военная выучка взяла верх. Она выпрямилась, стукнув кулаком по груди:

— Слушаюсь, Советник. Слушаюсь, генерал.

Два часа спустя Эйден стоял у высоких панорамных окон тренировочного комплекса Военной Академии. Ему уже выдали стандартную форму кадета — практичную, темно-серую с серебряными вставками.

Он смотрел на полигон внизу, где молодые маги отрабатывали удары: кто-то швырял сгустки пламени, кто-то поднимал в воздух тяжелые мишени силой мысли. На фоне этих людей с суперспособностями он чувствовал себя абсолютно беспомощным.

— Непривычно, правда?

Эйден обернулся. Рядом с ним стоял молодой парень в такой же серой форме. У него были взъерошенные светлые волосы и легкая, обезоруживающая улыбка.

— Я Тарик, — парень протянул руку. — Мы с тобой ехали в одном челноке. Рад видеть, что Эхоны не пустили тебя на опыты. Добро пожаловать на курс, землянин.

Эйден усмехнулся и ответил на рукопожатие.

— Эйден. И, кажется, мы здесь надолго.

— Это точно, — Тарик прислонился плечом к стеклу, кивнув вниз, на полигон. — Смотри и запоминай. Вон те, кто задирают носы и заставляют мишени летать — это Эхоны. Старайся не попадаться им под горячую руку на спаррингах. Они любят доказывать свое превосходство над всеми остальными. Зеленые ребята — Эрианы. Они спокойнее, но если разозлить, могут опутать тебя корнями прямо сквозь бетон.

— А ты? — спросил Эйден, посмотрев на серую форму Тарика. — Ты из Алари?

— Ага, — Тарик шелкнул пальцами, и над его ладонью на секунду вспыхнула крошечная искра космического огня. — Только я слабенький. Меня взяли в Корпус за тактические навыки, а не за огневую мощь. Зато у тебя в кураторах сама Кириэль. Честно, Эйден, половина Академии теперь гадают: ты либо самый удачливый парень в Галактике, либо скоро труп.

— Почему?

— Потому что она была Валькирией, — Тарик понизил голос почти до шепота, оглядываясь. — Никто точно не знает, почему она ушла в регулярные войска и почему у неё осталось только одно крыло. Но говорят, гонять кадетов она умеет так, что даже Эхоны плачут.

Раздался резкий, пронзительный звук сирены, прервавший их разговор.

— Построиться! — рявкнул усиленный динамиками голос инструктора.

Тарик хлопнул Эйдена по плечу.

— Погнали, землянин. Пора показать им, на что способна твоя математика.

Они спустились на полигон, покрытый специальным упругим материалом, поглощающим удары. Кадеты, около пятидесяти человек из разных фракций, выстроились в ровные шеренги.

Перед ними прохаживался инструктор — высокий, широкоплечий ветеран Алари с глубоким шрамом, пересекающим левую бровь. Его взгляд был тяжелым, как гранит.

— Меня зовут мастер Ворн, — начал он, и его голос без всяких динамиков легко перекрыл шум ветра. — Ближайшие месяцы я буду вашим ночным кошмаром. Посмотрите друг на друга. Вы маги. Вы привыкли полагаться на свою силу. Но если вы думаете, что Академия — это место, где вас научат просто махать кулаками и швыряться энергией, как безмозглых дуболомов, то вы ошибаетесь. Моя задача — научить вас думать. Мыслить на три шага вперед. Рассчитывать каждое свое движение. На поле боя тупая сила убивает своего владельца, а холодный расчет спасает жизни. Свою и чужую.

Инструктор резко остановился, окинув взглядом строй.

— Первые несколько дней будут посвящены базовым тестам. Физика, выносливость, уклонение. Это поможет нам распределить вас по группам баланса. Помните: ваши противники не будут стоять на месте и ждать, пока вы скастуете заклинание. Начали!

Тесты оказались настоящим адом, особенно для Эйдена.

Пока маги использовали легкую левитацию для бега или подпитывали мышцы внутренней энергией, Эйден бежал на чистом упрямстве и остатках земной выносливости. После кросса и силовых упражнений началось испытание на уклонение.

Полигон трансформировался: из-под земли поднялись десятки автоматических турелей, стреляющих безопасными, но болезненными кинетическими зарядами. Кадеты должны были пересечь поле, уклоняясь от хаотичного обстрела.

Первые две попытки Эйдена закончились плачевно. Он пытался просто бежать и уворачиваться на рефlekсах, как в уличной драке, но турели были быстрее. Синяки покрыли его руки и плечи.

Отдышавшись на старте перед третьей попыткой, Эйден заставил себя остановиться. «Холодный расчет», — вспомнил он слова Ворна.

Он прикрыл глаза и начал анализировать. Углы поворота турелей, задержка перед выстрелом, скорость полета снаряда. Это не был хаос. Это был алгоритм. В голове инженера выстроилась сложная геометрическая сетка.

Эйден рванул вперед.

Выстрел слева — он пригнулся ровно за полсекунды до вспышки. Шаг вправо, замирание — два снаряда сталкиваются в воздухе там, где он только что стоял. Он двигался угловато, не так грациозно, как Эхоны, но невероятно эффективно. Цифры и тайминги в его голове работали безупречно. Он прошел уже половину пути, чувствуя пьянящую уверенность в своем математическом превосходстве.

А затем система изменила паттерн.

Турель впереди, вместо того чтобы выстрелить по прямой, выпустила заряд по дуге. Расчет Эйдена сбился. Он попытался уйти перекатом, но второй снаряд ударил его прямо в грудь, отбросив на пару метров назад.

Эйден жестко приземлился на спину, выбив воздух из легких. Кашляя, он перевернулся на бок и замер.

В тени раскидистого дерева со светящимися серебристыми листьями стояла Кира. Она наблюдала за ним со скрещенными на груди руками.

— Твоя математика дала сбой, — спокойно произнесла она, глядя, как он пытается подняться.

— Я всё просчитал, — прохрипел Эйден, потирая ушибленные ребра. — Снаряд должен был пойти по прямой. Это нарушение их же собственного паттерна.

— Расчеты непостоянны, Эйден. Они адаптивны, — Кира сделала шаг из тени. — Нет единой тактики, которая спасет тебя дважды. Враг подстраивается. Даже бездушные машины хитреют с каждым выстрелом, если видят, что ты их читаешь. Будь гибче. Твой ум — твое оружие, но не позволяй ему загонять тебя в жесткие рамки.

Эйден стер пот со лба и медленно кивнул. Она была права. Математика без импровизации мертва.

Вечером, когда первое изнуряющее занятие подошло к концу, Эйден и Кира шли по извилистым дорожкам Академии. Два солнца Элизума клонились к закату, окрашивая белые башни города в мягкие персиковые тона.

Они шли без охраны. Эйден чуть прихрамывал, но чувствовал, что напряжение прошедших дней понемногу отпускает.

— Значит, куратор? — Эйден первым нарушил молчание, чуть морщась от боли в мышцах. — У тебя явно были другие планы на службу, чем присматривать за отстающим землянином.

— Корпус не спрашивает о наших планах, — ровно ответила Кира, шагая рядом. — Моя задача — помочь тебе выжить. Если Совет прав, и ты сможешь использовать магию, это изменит расстановку сил.

— А если не смогу?

Кира остановилась и посмотрела на него.

— Генерал Варис отправил запрос в разведку, как и обещал. Если ты сломаешься, Совет потеряет к тебе интерес, и поиски твоей сестры остановятся. У тебя нет выбора, кроме как стать сильнее.

Эйден сглотнул. Это был жестокий, но честный стимул.

— Справедливо, — кивнул он. Немного помолчав, он решил сменить тему на более нейтральную. — Слушай, а что насчет этих фракций? В Совете я видел синих и зеленых. На полигоне они летали и бросались камнями.

— Эхоны и Эрианы, — Кира возобновила шаг. — Эхоны управляют гравитацией и пространственными искажениями. Они сильны, но их слабость в высокомерии. Эрианы связаны с материей и природой. Они выносливы и терпеливы.

— А Тарик? Он сказал, что тоже из Алари, как и ты, но назвал себя слабеньким. Разве магия не распределяется поровну?

— Звездная энергия не математика, Эйден, — краешек губ Киры дрогнул в подобии улыбки. — Она капризна. Кто-то рождается с ревущим пламенем, а кто-то лишь с искрой. У Тарика малый резерв, но у него блестящий тактический ум. В бою хитрый маг с искрой часто побеждает глупца с пожаром.

Эйден расслабился. Разговор тек мирно, Кира казалась открытой, и он решил, что лед между ними окончательно тронулся.

— Понятно. Значит, ум компенсирует силу, — он сунул руки в карманы куртки. — Тогда расскажи мне о себе. Если мы теперь команда, я должен понимать, кто меня прикрывает. Тарик упомянул, что ты была Валькирией. Элитный отряд. Почему ты ушла в регулярную армию? И... почему крыло только одно?

Воздух между ними внезапно стал ледяным. Аура спокойствия, которая обычно окружала Киру, исчезла, сменившись жестким, непроницаемым барьером. Эйдену на секунду показалось, что температура вокруг упала на несколько градусов.

Она медленно повернула голову.

— Мы договорились о сотрудничестве, Эйден, — её голос был тихим, но резал, как стекло. — А не о сеансах психоанализа. Если у тебя есть вопросы о тактике, магии Конфедерации или слабостях Авангарда — я отвечу на них все. Но мое прошлое к твоей подготовке отношения не имеет. Эта тема закрыта.

Эйден мысленно выругался. Слишком быстро.

— Понял. Виноват. Больше не спрашиваю.

Кира коротко кивнула, и напряжение медленно отступило.

— Завтра начнутся теоретические занятия. Не думай, что там будет легче, чем на полигоне, — она развернулась, направляясь в сторону своих офицерских квартир.

Глядя в её спину, Эйден понял одну важную вещь: он был не единственным, кто принес в эту Академию сломанную жизнь. И чтобы заслужить её доверие, придется сильно постараться.

Глава 6 - Иллюзия превосходства

*Величайший враг знания — не
невежество, а иллюзия знания.*

Стивен Хокинг

Первая неделя в Академии слилась для Эйдена в один бесконечный, изматывающий круговорот.

Утро начиналось на полигоне. Его тело, лишенное магической подпитки, покрылось сплошным ковром синяков. Он задыхался на кроссах, падал на полосах препятствий и едва успевал уворачиваться от кинетических зарядов. Но после обеда, когда начинались теоретические занятия, расстановка сил кардинально менялась.

Лекционные залы Академии представляли собой огромные аудитории с голографическими столами. Здесь преподавали историю Конфедерации, астронавигацию и тактику магии.

Именно здесь Эйден брал реванш. Его мозг инженера-аналитика впитывал информацию, как губка. Пока молодые Эхоны скучали, а Алари откровенно зевали над схемами энергетических потоков, Эйден щелкал тактические задачи как орехи.

— ...таким образом, первое официально задокументированное нападение Авангарда произошло в секторе Тарион сорок семь лет назад, — вещал пожилой лектор-Эриан, прохаживаясь перед трехмерной картой уничтоженной планеты. — Их корабли вышли из подпространства без предварительного возмущения эфира. Кто скажет, почему системы раннего предупреждения промолчали? Кадет Вейл?

Высокий, аристократичного вида Эхон с идеальной укладкой лениво поднялся со своего места. Эйден уже знал его — Вейл считал себя звездой потока и не упускал случая это продемонстрировать.

— Потому что их технологии генерируют нулевой гравитационный след, мастер. Они используют червоточины замкнутого цикла.

— Заученно по учебнику, но неполно, — вздохнул лектор. — Кто-нибудь еще?

Эйден нажал кнопку на своем пульте.

— Системы промолчали, потому что Авангард не открывает червоточины извне, — спокойно произнес он со своего места. — Они используют квантовую запутанность. Маскировочное поле не скрывает их корабли, оно заставляет пространство «думать», что их там нет, пока они не окажутся прямо над атмосферой. Именно поэтому на радарх нет возмущений. Вы ищите дверь, а они проходят сквозь стену.

Лектор удивленно вскинул брови и одобрительно кивнул:

— Блестящий анализ, кадет Эйден. Именно так.

Вейл, чье лицо пошло красными пятнами, бросил на землянина уничтожающий взгляд и тяжело опустился в кресло. Сидевший рядом с Эйденем Тарик тихо хмыкнул и показал ему большой палец под столом.

Когда лекция закончилась, кадеты шумной толпой высыпали в просторный, залитый светом коридор. Эйден и Тарик направились к пищевому блоку, обсуждая расписание.

— Если ты продолжишь в том же духе, умник, наставники начнут ставить тебя нам в пример, — усмехнулся Тарик. — А это самая короткая дорога к неприятностям. Эхоны ненавидят, когда кто-то оказывается умнее их. Особенно тот, у кого нет магии.

— Мне всё равно, что они ненавидят, — пожал плечами Эйден. — Я здесь не для того, чтобы заводить друзей. Кроме тебя, разумеется.

— Как трогательно, — раздался за их спинами тягучий, насмешливый голос.

Они обернулись. Путь им преградил Вейл в окружении троих таких же надменных Эхонов. Вейл подошел ближе, смерив Эйдена брезгливым взглядом.

— Знаешь, землянин, когда Совет притащил тебя сюда, мы думали, что ты какой-то секретный проект. Опасная аномалия, — Вейл картинно развел руками. — А на деле ты просто кусок мяса, который путается под ногами на полигоне. Твое место в библиотеке, пыль протирать.

Тарик шагнул вперед, заслоняя Эйдена:

— Остынь, Вейл. Оставь его в покое.

— А то что? — Вейл издевательски изогнул бровь, глядя на Тарика. — Подождешь мне форму своей жалкой искоркой? Твоя семья должна сгорать от стыда, Алари. Ты позоришь Корпус одним своим присутствием. И теперь еще таскаешься с этим грязнокровным, который сам же навел Авангард на свой примитивный мир.

Тарик побледнел, его кулаки сжались. В воздухе запахло озоном — верный признак того, что Эхон начинает неосознанно менять гравитацию вокруг себя.

Но Эйден мягко отодвинул Тарика плечом и встал прямо перед Вейлом. Он не злился. Его лицо оставалось абсолютно спокойным, а глаза смотрели холодно и расчетливо.

— Знаешь, в чем твоя проблема, Вейл? — ровным, почти лекционным тоном произнес Эйден. Коридор вокруг них начал затихать, кадеты оборачивались на назревающую драку. — Ты строишь из себя элиту. У тебя много силы. Но твой мозг работает со скоростью старого калькулятора.

Лицо Вейла вытянулось от возмущения, но Эйден не дал ему и слова вставить.

— На полигоне ты всегда заносишь правую руку перед тем, как ударить телекинезом. У тебя слепая зона с левого фланга, потому что ты бережешь старую травму колена — я видел, как ты припадаешь на него после бега. Твоя сила делает тебя ленивым и предсказуемым. Если бы мы были на реальном поле боя против Авангарда, тебе бы снесли голову на третьей секунде, пока ты пытался бы встать в красивую позу.

Толпа вокруг тихо ахнула. Несколько Алари на заднем плане откровенно усмехнулись.

Вейл пошел пятнами. Его глаза вспыхнули ярким голубым светом. Пол под ногами Эйдена внезапно стал скользким и тяжелым — Эхон начал локально увеличивать гравитацию, намереваясь раздавить наглеца.

— Повтори это, примитивный мусор! — прошипел Вейл, поднимая руку.

Эйден почувствовал, как невидимый пресс ложится ему на плечи, сгибая колени, но он продолжал смотреть Эхону прямо в глаза, не отводя взгляда. И где-то глубоко внутри его груди, в ответ на внешнее давление магии, слабо шевельнулся тот самый спящий, чужеродный пульс.

Эйден почувствовал, как невидимый пресс ложится ему на плечи. Колени дрогнули, но он уперся ногами в пол, продолжая смотреть Эхону прямо в глаза. Глубоко в его груди, реагируя на внешнее давление, слабо заворочался тот самый чужеродный пульс, готовый проснуться.

Но прежде чем это произошло, между ними вклинился Тарик.

Светловолосый Алари шагнул прямо в зону повышенной гравитации. Его лицо исказилось от усилия, но он выбросил руку вперед. Над его ладонью вспыхнул сгусток космического пламени — крошечный, но невероятно плотный. Тарик с размаху впечатал этот сгусток прямо в невидимый гравитационный барьер Вейла. Раздался резкий хлопок, запахло паленой пластмассой и озоном. Давление на плечи Эйдена мгновенно исчезло.

Вейл пошатнулся, гневно сверкнув глазами.

— Ты труп, предатель, — прошипел он, поднимая обе руки.

— Достаточно, Вейл! — раздался звонкий, властный девичий голос.

Толпа кадетов расступилась. В коридор быстрым шагом вошла Кира, а рядом с ней — высокая, поразительно красивая девушка в темно-синей форме Эхонов. У нее были пепельные волосы, заплетенные в строгую косу, и холодные, как лед, голубые глаза.

Не дожидаясь, пока Вейл опустит руки, девушка-Эхон сделала небрежный жест пальцами. Вейла и его прихвостней буквально смело невидимой волной. Они отлетели на пару метров, с грохотом впечатавшись в гладкую стену коридора.

— Лайра?! — выплюнул Вейл, поднимаясь с пола и потирая ушибленное плечо. — Ты защищаешь этого...

— Я защищаю репутацию нашего факультета, идиот, — ледяным тоном оборвала его Лайра. — Ты нападаешь на того, кто лишен звездной энергии, и делаешь это в коридоре, как уличный хулиган. Ты позоришь Эхонов, Вейл. Проваливай, пока я не доложила мастеру-инструктору о твоей неспровоцированной агрессии.

Вейл побагровел. Он открыл рот, чтобы ответить, но наткнулся на тяжелый, не сулящий ничего хорошего взгляд Кире. Сплюнув на пол, аристократ развернулся и быстро зашагал прочь. Его свита поспешила за ним.

Коридор начал пустеть — кадеты поняли, что шоу окончено.

Лайра повернулась к Эйдену. В её глазах не было ни высокомерия, ни презрения. Только спокойный интерес.

— Прошу прощения за моего сокурсника, — произнесла она, чуть склонив голову. — Сила часто достается тем, чье эго растет быстрее разума. Я Лайра. И, признаться, твой анализ алгоритмов Авангарда на лекции был... впечатляющим.

— Эйден, — он чуть кивнул в ответ, массируя ноющие плечи. — Спасибо за вмешательство. Но я бы справился.

Лайра легко улыбнулась, блеснув глазами.

— Не сомневаюсь. Но нам всем иногда нужна помощь.

Она кивнула Тарику, обменялась коротким, полным взаимного уважения взглядом с Кирой, и грациозно удалилась по коридору.

Тарик шумно выдохнул, стряхивая напряжение с рук.

— Ну вот, — нервно усмехнулся он. — Теперь тебя ненавидит главный задира потока, зато тобой заинтересовалась лучшая студентка Эхонов. Землянин, ты определенно умеешь жить ярко.

Кира подошла ближе. В её глазах читался немой вопрос: «Ты цел?»

Эйден лишь коротко кивнул ей. Чужой пульс в его груди снова уснул, спрятавшись так глубоко, что Эйден сам начал сомневаться, был ли он вообще.

— Идемте в столовую, — вздохнул Эйден. — От всей этой вашей магии у меня зверский аппетит.

Глава 7 - Радиомолчание

*Вечное молчание этих бесконечных
пространств пугает меня.*

Блез Паскалл

Голографический стол в кабинете генерала Вариса светился мягким синим светом. За окном уже опустилась ночь, и Элизиум переливался миллионами огней, но внутри кабинета царил полумрак, настраивающий на серьезный разговор.

Эйден и Кира вошли без стука — сенсоры дверей распознали их приближение. Генерал Варис стоял, опершись обеими руками о край стола, и внимательно изучал какие-то графики. Увидев вошедших, он выпрямился и сделал приглашающий жест рукой.

— Присаживайтесь. Капитан, кадет, — генерал кивнул им.

Эйден сел на предложенный стул, чувствуя, как внутри натягивается струна напряжения. Он ждал этого вызова больше недели. Кира осталась стоять у него за спиной, сложив руки за спиной в классической стойке «вольно».

— Я читал отчеты из Академии, Эйден, — начал Варис, немного расслабив воротник униформы. — Мастер Ворн и лекторы теоретического курса отзываются о тебе... весьма нетипично. Ты худший на полосе препятствий, но твой аналитический разбор тактики Авангарда уже включили в учебную программу для старших курсов. Инструкторы говорят, что если мага из тебя не выйдет, Корпус с удовольствием заберет тебя в инженерно-тактический отдел. У тебя феноменальная обучаемость.

— Спасибо, генерал, — сухо ответил Эйден. Его пальцы нервно постукивали по подлокотнику кресла. — Но при всем уважении, вы вызвали меня сюда не для того, чтобы обсудить мои оценки.

Уголок губ Вариса едва заметно дрогнул в подобии улыбки. Он ценил прямоту.

— Ты прав. Я вызвал тебя, потому что дальние разведчики Конфедерации вернулись с периметра твоего сектора. Мы получили первые данные с Земли.

Сердце Эйдена пропустило удар. Он подался вперед, вцепившись руками в подлокотники так побелели кости.

Варис нажал кнопку на консоли. Голограмма над столом изменилась. Исчезли тактические схемы, и перед ними появилась Солнечная система. Изображение быстро приблизилось к третьей планете.

Земля.

Эйден затаил дыхание. Она выглядела иначе. Привычная синева океанов и белизна облаков были скрыты под густой, серо-бурой пеленой орбитального мусора и пепла. Вокруг планеты, словно паразиты на теле хозяина, роились сотни красных точек — корабли Авангарда.

— Что там? — голос Эйдена хрипел. — Вы смогли просканировать поверхность?

Генерал тяжело вздохнул, глядя землянину прямо в глаза.

— Там полное радиомолчание, Эйден. Абсолютное. Никаких гражданских трансляций, никаких военных шифров. Предварительное термическое сканирование коры тоже не дало признаков скопления биологической жизни.

Слова Вариса обрушились на Эйдена, как бетонная плита. Радиомолчание. Нет жизни. Хлоя.

Перед глазами снова вспыхнул мост, ослепительный свет и крик сестры, тонущий в грохоте взрывов. В груди стало невыносимо пусто, словно кто-то вырвал оттуда все органы.

Теплая, сильная рука Киры легла ему на плечо. Её прикосновение было почти невыносимым, но сквозь ткань формы Эйден почувствовал знакомую ауру спокойствия, которая помогла ему не сорваться в пропасть паники.

— Но это не значит, что там никого нет, — твердо продолжил генерал Варис, разрушая повисшую тишину. — Это Авангард. Их стандартная тактика при оккупации — развертывание атмосферных глушителей и генераторов помех. Наши сканеры дальней дистанции просто не могут пробить этот купол. Мы видим лишь ту картинку, которую они позволяют нам видеть.

Эйден шумно втянул воздух, цепляясь за эту соломинку надежды.

— Значит, нужно подойти ближе.

— Визуальная разведка даст нам точные плоды, — кивнул Варис. Он сделал еще один жест, и голограмма сместилась на естественный спутник Земли. — Луна. Прямо сейчас аналитики Корпуса дают оценку рискам. Мы планируем забросить к орбите Луны один из наших новейших стелс-фрегатов. Если мы сможем закрепиться на темной стороне спутника, мы развернем направленные оптические сенсоры и узнаем, остались ли на Земле очаги сопротивления и лагеря выживших.

— Когда? — выпалил Эйден. — Когда корабль отправляется? Я должен быть на нем.

— Корабль отправится, когда Командование сочтет риски приемлемыми, — жестко отрезал Варис. — Это может занять месяц. Может, два. И нет, Эйден, в твоём нынешнем состоянии ты на борт не ступишь.

Эйден вскочил с кресла.

— Это мой дом! Это моя сестра! Вы не можете...

— Могу! — рявкнул генерал так, что голограмма над столом пошла рябью. Варис оперся кулаками о стол, нависая над землянином. — Я генерал Корпуса Конфедерации, и я не отправляю балласт на смертельные миссии! Если этот корабль обнаружат, его распылят на атомы в ту же секунду. Там нужны лучшие из лучших. Маги, способные прикрыть судно иллюзиями или исказить пространство для прыжка. А кто ты сейчас? Умный парень, который задыхается на полигоне?

Эйден стиснул зубы. Слова генерала были безжалостной, ледяной правдой.

— Твое тело скрывает аномалию, Эйден, — уже спокойнее добавил Варис. — Если ты хочешь попасть на этот фрегат... разбуди её. Стань тем, кто будет полезен в бою, а не тем, кого придется защищать. Свободны.

Когда они вышли из штаба в прохладную ночь Элизиума, Эйден долго молчал. Кира шла рядом, не торопя его с разговорами. Она знала, как тяжело переваривать такие новости.

— Он прав, — наконец произнес Эйден, глядя на чужие, слишком яркие звезды в небе. — Пока я слаб, я не смогу ей помочь. Если я полечу туда балластом, я только погублю всю миссию.

— Магию нельзя включить по щелчку пальцев, Эйден, — мягко напомнила Кира. — У некоторых кадетов на пробуждение уходят годы. А твоя энергия заблокирована так, как Советник Алари не видел за всю свою жизнь. Что ты собираешься делать?

Эйден повернулся к ней. В его взгляде больше не было растерянности или страха. В нем горел холодный огонь человека, у которого появилась четкая цель.

— Я буду пробовать всё, — медленно произнес он. — Ментальные практики, медитации Эриан, спарринги с Эхонами. Я буду перегружать свое тело и разум на полигоне до тех пор, пока эта чертова искра не сожжет блок изнутри. У меня есть два месяца до старта фрегата. И я потрачу каждую секунду.

Глава 8 - Испытание

*Мы не знаем, на что способны,
пока нам не предложат невозможную
задачу. Или пока на нас не
посмотрят нужные люди.*

Из дневников первых переселенцев

Прошло полтора месяца.

Солнца Элизиума безжалостно палили, заливая полигон Академии ослепительным светом. Эйден стоял на одном колене, тяжело дыша, и стирал со лба едкий пот. Форма прилипла к спине.

— Медленно, землянин! Слишком медленно! — рявкнул над ухом мастер Ворн. — Если бы это был заряд плазмы Авангарда, от тебя осталась бы только кучка радиоактивного пепла!

Эйден молча кивнул, поднимаясь на ноги. Полтора месяца тренировок не прошли даром. Он оброс жесткими мышцами, его движения стали резкими и скупыми, лишенными лишней суеты. Он выучил наизусть тактику каждой фракции, знал, как уходить от гравитационных захватов Эхонов и как разрывать растительные путы Эриан.

Но магия молчала.

Тот самый чужеродный пульс в груди иногда отзывался слабым теплом, словно дразня его, но на поверхность не выходил. Эйден оставался человеком среди богов.

Внезапно над полигоном раздался троекратный гудок сирены, призывающий всех кадетов к построению.

Когда пятьдесят студентов выстроились в шеренги, на возвышение перед ними вышел не только мастер Ворн, но и кураторы курсов, включая Киру. Их лица были необычно серьезными.

— Кадеты! — голос Ворна разнесся над плацем. — Через три дня состоится промежуточные экзамены. Для большинства из вас это рутина. Способ показать, чему вы научились, чтобы не вылететь из Корпуса. Но в этом году ставки меняются.

По рядам пробежал тихий шепоток. Эйден скосил глаза на Тарика. Тот выглядел озадаченным.

— На практической части экзамена, — продолжил инструктор, повысив голос, — будут присутствовать представители Высшего Совета. Но и это не всё. С инспекцией придут офицеры Эгиды и командиры спецотрядов.

Толпа кадетов дружно ахнула. Даже Вейл, стоявший в первой шеренге, заметно напрягся.

— Некоторые из них ищут свежую кровь для элитных подразделений, — Ворн обвел строй тяжелым взглядом. — Другие — смотрят на общие показатели Академии, чтобы урезать нам финансирование. А кто-то, возможно, просто хочет убедиться, что те, кто не дотягивает до стандартов, навсегда покинут эти стены. Экзамен пройдет в формате боевой симуляции с полным контактом. Оружие и магия не ограничены, блокираторы травм отключены на пятьдесят процентов. Боль будет реальной. Готовьтесь.

После построения кадеты шумной толпой повалили в душевые и столовую, гудя, как растревоженный улей. Эйден и Тарик шли чуть позади остальных.

— Эгида, — благоговейно протянул Тарик, потирая шею. — Это же личная гвардия самого Архонта. Говорят, они подчиняются ему и только ему. Если кто-то из них присмотрит тебя... считай, жизнь удалась.

— Или закончилась быстрее обычного, — хмыкнул Эйден. — Элиту отправляют в самые горячие точки, Тарик.

— Зато у них есть свои корабли с неограниченным допуском, — многозначительно заметил блондин, бросив на друга косой взгляд.

Эйден остановился. Сердце забилося чаще.

Свой корабль. Свободный допуск в закрытые сектора. Это был шанс. Если Варис не пустит его на стелс-фрегат, то, может быть, внимание этих гостей даст ему другой путь на Землю?

— Эйден, — окликнул его знакомый голос.

Он обернулся. К ним быстрым шагом приближалась Лайра. За эти полтора месяца девушка-Эхон несколько раз спарринговалась с Эйденом, и между ними установилось некое подобие приятельских отношений, основанных на взаимном уважении к интеллекту друг друга.

— Слышали новости? — спросила она, подходя ближе. Её голубые глаза были чуть сужены от беспокойства. — Вейл в бешенстве. Он планировал покрасоваться перед Советом, а теперь, когда появились люди из спецотрядов, ставки выросли.

— Пусть красуется, — пожал плечами Тарик. — Места всем хватит.

— Вы не понимаете, — Лайра понизила голос, оглядываясь. — Экзамен — это симуляция боя. Кадеты против кадетов. Вейл уже подговаривает своих дружков из Эхонов выбрать вас двоих в качестве приоритетных целей. Он хочет размазать вас по стенке на глазах у всего командования. Показать, что Алари без резерва и человек без магии — это мусор, от которого Академии пора избавиться.

Эйден медленно кивнул, переваривая информацию.

Если Вейл использует на экзамене всю свою гравитационную мощь против человека без магии, Эйдена просто сломают пополам. Холодный расчет не спасет от невидимого пресса, бьющего по площади.

— Спасибо за предупреждение, Лайра, — спокойно ответил он.

— Будь осторожен, Эйден, — тихо сказала она, прежде чем уйти. — У тебя отличный ум. Но против грубой силы одной логики иногда бывает недостаточно.

Когда они остались вдвоем, Тарик тяжело вздохнул:

— Ну что, землянин? Кажется, через три дня нас будут убивать. Есть идеи?

Эйден посмотрел на свои руки. На костяшках виднелись сбитые мозоли.

— Идея только одна, Тарик. Мне нужно перестать быть просто человеком.

Поздним вечером, когда большинство кадетов уже спали, восстанавливая силы перед грядущими экзаменами, Эйден сидел в пустом голографическом архиве Академии. Перед ним в воздухе висели десятки полупрозрачных экранов с тактическими схемами, записями прошлых турниров и характеристиками брони Корпуса.

Он анализировал. Если магии нет, он должен был компенсировать её знанием слабостей противника.

— Ваш мозг никогда не отдыхает, кадет Эйден? — раздался тихий, шелестящий голос.

Эйден обернулся. В дверях стоял старый лектор-Эриан, преподававший историю Конфедерации. Мастер медленно подошел к столу, опираясь на деревянный посох, и взглянул на мерцающие схемы.

— Я ищу способы выжить, мастер, — честно ответил Эйден, сворачивая пару экранов.

— Вы ищете закономерности там, где правит хаос, — Эриан мягко улыбнулся. — Магия нестабильна, Эйден. Как бы хорошо вы ни просчитали траекторию огненного шара, эмоции мага в последнюю секунду могут изменить её. Вы пытаетесь применить законы физики вашего мира к энергии звезд.

— У меня нет другого оружия.

— Ваше оружие — это ваш разум. Но помните, землянин: иногда, чтобы победить, нужно позволить себе отпустить контроль. Вода разрушает скалу не потому, что она бьет в одну точку

по расписанию, а потому, что она заполняет все трещины. Будьте водой на этом экзамене. Спокойной ночи, кадет.

Старик удалился, оставив Эйдена в задумчивости. Он выключил терминал и вышел на свежий воздух.

На тренировочном балконе, прислонившись к перилам и глядя на спящий город, стояла Кира. Ветер слегка трепал её темные волосы. Услышав шаги, она не обернулась.

— Тебе нужно спать. Завтра начинается теория, а послезавтра — полигон, — тихо сказала она.

— Тебе тоже, — Эйден подошел и встал рядом, опершись локтями о холодный металл. — Волнуешься за своего подопечного?

Кира повернула к нему лицо. В свете далеких звезд её древние, пронзительные глаза казались почти черными.

— Я волнуюсь за твою жизнь, Эйден. Симуляция с отключенными на пятьдесят процентов блокираторами — это не шутка. Боль будет настоящей. Ожоги, переломы, рваные раны — всё это ты прочувствуешь в полной мере, пока система не выдернет тебя при критическом уроне. Вейл попытается тебя сломать.

— Пусть попробует, — голос Эйдена был спокоен. — Я пережил вторжение Авангарда. Пережил тюрьму. Пережил клиническую смерть. Думаешь, меня пугает какой-то заносчивый аристократ с манией величия?

Кира долго смотрела на него, а затем уголки её губ дрогнули в теплой, искренней улыбке.

— Нет. Я думаю, что этот аристократ даже не представляет, с чем связался. Удачи на теории, землянин.

Экзамены начались с сухой академической рутины. Теоретическая часть заняла весь следующий день. Эйден сдал тактику, историю и математическое моделирование с высшими баллами. Тарик и Лайра также успешно преодолели этот этап. Вейл, к своему раздражению, оказался в рейтинге чуть ниже Эйдена из-за ошибок в расчетах квантовых переходов.

Настоящее испытание началось на следующий день.

Огромный открытый полигон Академии трансформировался. Гладкое поле превратилось в сложный ландшафт с руинами зданий, траншеями и перепадами высот.

Мастер Ворн стоял перед строем из тех, кто прошел теорию.

— Первый этап практики — парное испытание на выбывание! — гаркнул инструктор. — Жеребьевка случайная. Задача пары: с использованием стандартного кинетического оружия и магии захватить укрепленный опорный пункт, а затем удерживать его десять минут от волн автоматических дронов и големов.

Над головой Ворна вспыхнул голографический экран, быстро тасующий имена.

Тарику в напарники достался крепкий, но не слишком расторопный парень из Алари. Они выступали одними из первых.

Эйден наблюдал с трибун. Тарик пытался командовать, но его напарник постоянно лез на рожон. Им удалось выбить манекены из опорного пункта, но когда началась фаза обороны, они не смогли грамотно распределить сектора обстрела. На седьмой минуте дроны прорвали фланг, и система зафиксировала критический урон. Итог: захват успешен, оборона провалена. Один балл из двух возможных.

Экран снова замигал, и Эйден увидел свое имя. Рядом с ним высветилось имя Лайры.

Девушка-Эхон подошла к нему, застегивая тактический жилет поверх темно-синей формы. В руках она держала легкий кинетический карабин.

— Похоже, лед и пламень в одной команде, — Лайра улыбнулась. — Какой план, аналитик? Я могу поднять нас в воздух и просто раздавить защиту опорного пункта гравитацией.

— Нет, — Эйден покачал головой, проверяя свое оружие. — Если ты потратишь резерв на захват, нам нечем будет крыть оборону. Мы сделаем иначе. Ты вообще не будешь использовать магию на захвате. Мы возьмем их геометрией.

Лайра удивленно вскинула брови, но спорить не стала.

Когда прозвучал сигнал старта, они ринулись в руины. Эйден вел её за собой. Он не лез напролом. Он использовал углы зданий, рикошеты кинетических снарядов и слепые зоны защитных турелей. Они двигались как тени. Эйден рассчитывал тайминги перезарядки турелей, и Лайра, подчиняясь его командам, стреляла ровно в те доли секунды, когда защита спала.

Они взяли опорный пункт за четыре минуты. Лайра не потратила ни капли звездной энергии.

А когда начался штурм дронов, Эйден расставил кинетические мины в узких проходах, просчитав идеальные точки детонации, а Лайре оставалось лишь легкими точечными гравитационными толчками сбрасывать уцелевших големов в эти ловушки.

Это был танец холодного расчета. Когда таймер истек, опорный пункт был абсолютно цел.

Два балла. Идеальное прохождение, которое заставило трибуны замолчать. Эйден видел, как Вейл на зрительских местах сжимает кулаки от бешенства.

На третий день атмосфера в Академии стала почти осязаемо тяжелой. Начиналась финальная фаза экзамена.

Центральный Колизей Корпуса был заполнен до отказа. Но сегодня кадеты смотрели не на полигон, а на верхние VIP-ложи, которые до этого пустовали.

Там, в окружении охраны в глухой броне, сидели представители Эгиды Архонта и командиры спецотрядов. Их лица были скрыты в тени, но от их присутствия веяло смертельной угрозой и властью.

Чуть ниже располагался Высший Совет в полном составе.

И в этот раз пустующее кресло из белого металла было занято.

Эйден, стоящий внизу вместе с остальными прошедшими кадетами, не мог отвести взгляд от этой фигуры. Советник Предвестников прибыл.

Он был облачен в строгие, струящиеся одеяния глубокого черного цвета, поверх которых была накинута белоснежная, сияющая мантия. Его волосы, пепельно-белые, средней длины, свободно падали на плечи. На аристократичном лице с легкой белой щетиной застыло выражение абсолютного равнодушия к происходящему, словно он видел этот момент тысячи раз в тысячах разных временных линий. Его глаза, серые, как надвигающаяся буря, скользили по кадетам.

Когда взгляд Предвестника на долю секунды задержался на Эйдене, землянин почувствовал, как тот самый спящий пульс в его груди дернулся, отозвавшись ледяным холодом.

В центр арены вышел мастер Ворн. Полигон за его спиной начал трансформироваться с оглушительным скрежетом. Из-под земли выростали колоссальные стены из темного, поглощающего свет камня, перестраиваясь и формируя гигантский, изменчивый Лабиринт.

— Финальное испытание! — голос Ворна эхом разнесся по Колизею. — Выживание и поиск! В центре этого лабиринта находится жетон Чемпиона. Тот, кто коснется его первым, получит высший бал и право выбрать любое подразделение для прохождения службы. Но помните: стены меняют свое положение. Внутри вас ждут твари, симуляция которых неотличима от реальных хищников дальнего космоса. И самое главное — вы одни. Ваши сокурсники вам не друзья. Разрешено применять всё, чтобы вывести конкурентов из строя.

Инструктор поднял руку, и тяжелые ворота Лабиринта с лязгом распахнулись в пяти разных местах арены. Из темных проходов пахнуло сыростью и пылью.

— Кадеты... в Лабиринт!

Глава 9 - Пробуждение

*Есть вещи страшнее тьмы.
Например, свет, который сжигает
всё на своем пути.*

Из трактатов Предвестников

Внутри Лабиринта царил полумрак. Воздух пах озоном и влажным камнем.

Эйден двигался бесшумно, прижимаясь к шероховатым стенам. Он не пытался бежать напролом, полагаясь на скрытность и расчет. Вокруг периодически раздавались глухие взрывы, крики и вспышки магии — кадеты сталкивались с симуляциями монстров или друг с другом.

Скрежет раздался прямо над головой. Стена слева от него начала медленно опускаться, меняя конфигурацию прохода. Эйден нырнул в образовавшуюся щель и... оказался лицом к лицу с Вейлом.

Эхон выглядел потрепанным: его синяя форма была в пыли, а на скуле красовалась ссадина. Но, увидев землянина, Вейл плотоядно оскалился.

— Надо же, какая встреча, — прошипел аристократ. Воздух вокруг него мгновенно стал плотным от гравитационной магии. — Твои расчеты завели тебя в тупик, примитивный. Инструкторы сказали, что травмы здесь реальны. Интересно, сколько костей я смогу тебе сломать, прежде чем система решит, что урон критический?

— Тебе придется поймать меня сначала, Вейл, — холодно ответил Эйден, медленно отступая назад.

Вейл выбросил руку вперед. Невидимый пресс рванул к Эйдену, сминая каменную крошку на полу. Но Эйден не стал блокировать. Он рассчитал тайминг опускающейся стены. В последнюю долю секунды землянин бросился в сторону. Гравитационный удар разнес край камня в пыль, а массивная черная плита с грохотом рухнула между ними, отрезав Эхона с его яростными проклятиями.

«Математика спасает жизни», — мысленно усмехнулся Эйден, отряхиваясь от пыли, и побежал дальше.

Однако Лабиринт будто издевался над ним. Через десять минут непрерывного блуждания и уклонений от голографических ловушек, Эйден свернул за угол и уперся в глухую, монолитную стену. Тупик.

Он развернулся, чтобы уйти, но сверху, спружинив о стену, бесшумно прыгнула фигура в темном плаще. Эйден инстинктивно вскинул руки, но тут же опустил их.

— Кира? — он неверяще уставился на куратора. — Что ты здесь делаешь? Тебя дисквалифицируют, инструкторам запрещено вмешиваться!

— Плевать на правила, — её голос дрожал от напряжения, а глаза лихорадочно сканировали тени. Она сбросила плащ, оставшись в боевой броне. — Я почувствовала... что-то не так. Энергетический фон в этом секторе искажен. Это не симуляция Лабиринта, Эйден. Здесь кто-то чуж...

Она не успела договорить. Температура в тупике резко упала. Из рта вырвалось облачко пара.

Из теней выступили две фигуры. Они были огромны — под три метра ростом, укутанные в клубящуюся, непроницаемую тьму, сквозь которую тускло светились багровые прожилки. От исполинов веяло таким первобытным ужасом и мощью, что легкие Эйдена инстинктивно сжались, отказываясь дышать. Это были не голограммы. Это была смерть.

Один из исполинов наклонил бесформенную голову, и в его груди заскрежетал низкий, вибрирующий голос, похожий на скрежет тектонических плит:

— Всё так, как он и говорил...

Второй перевел взгляд безликой маски на Эйдена. Тьма вокруг него начала сгущаться, вытягивая тепло из самого воздуха.

— А вот ты... крайне необычный экспонат. Заберем его.

Кира шагнула вперед, заслоняя Эйдена. В её руке из воздуха соткалась рукоять клинка.

— Беги! — крикнула она.

Исполин рванулся к ним. Это не было похоже на бег — он словно скользил по искаженному пространству. Он наотмашь ударил Киру. Удар был такой силы, что кинетический барьер её брони лопнул со звоном бьющегося стекла. Девушку отбросило на десять метров, она с жутким хрустом впечаталась в стену и рухнула на камни.

— Кира! — Эйден бросился к ней, но второй монстр вырос прямо перед ним. Огромная нога, сотканная из плотной тьмы, ударила землянина в грудь.

Эйден услышал, как трещат его ребра. Его швырнуло на землю, легкие отказались вдыхать воздух. Кровь залила рот. Зрение начало меркнуть, но сквозь пелену боли он увидел, как Кира снова поднимается.

Она не сдавалась. Издав яростный крик, она активировала свою суть. За её спиной со вспышкой сверхновой раскрылось единственное крыло из ревущего космического пламени. Температура в тупике взлетела до предела. Клинок в её руках покрылся фиолетово-золотым огнем.

Она бросилась на первого исполина. Космическое пламя столкнулось с абсолютным мраком. Кира двигалась с невероятной скоростью, оставляя за собой огненные шлейфы. Её клинок глубоко вонзился в плечо монстра. Тьма зашипела, из раны брызнула черная, похожая на смолу субстанция. Но исполин даже не дрогнул. Рана затянулась мраком за секунду.

Он ударил в ответ. Кира заблокировала удар клинком, но сила монстра вмяла её в землю по самые колени. Второй исполин зашел ей за спину. Огромная рука сомкнулась на её горле, отрывая от земли. Крыло Киры жалобно замигало, когда первый монстр нанес сокрушительный удар ей в живот. Броня смялась. Девушка захрипела, клинок со звоном выпал из ослабевших пальцев.

Эйден пытался встать. Пальцы скребли по камню, ломая ногти. Сознание угасало.

И тут перед его внутренним взором возник белый шум. Тот самый сон. Ослепительно белая фигура, пульсирующая силой, пыталась пробиться сквозь статику, словно стучалась в стекло его разума.

Сквозь мутную пелену реальности Эйден увидел, как исполин, держащий Киру за горло, занес вторую руку, формируя из тьмы длинное, зазубренное лезвие.

— Какая жалость, — пророкотал монстр. — Сейчас я заберу у Валькирии и второе крыло.

В голове Эйдена всплыли слова старого Эриана: «Иногда, чтобы победить, нужно позволить себе отпустить контроль».

Всю свою жизнь Эйден пытался всё просчитать. Держать в рамках. Контролировать.

«Помоги ей, — мысленно прохрипел Эйден белой фигуре внутри себя, распахивая все двери своего разума. — Забери контроль. Просто спаси её!»

Пульс в груди остановился. А затем взорвался.

Пространство в тупике содрогнулось с таким звуком, будто разорвался вакуум. Ослепительный, невыносимо чистый белый свет ударил из тела Эйдена. Световая волна физически отшвырнула тени назад.

Исполины отшатнулись, инстинктивно закрывая безликие маски и выронив Киру.

Эйден медленно поднялся с колен. Но это был уже не он.

Переломанные ребра срослись с влажным хрустом, раны затянулись в долю секунды, оставив лишь чистую кожу. Его темные волосы на глазах выцвели, став пепельно-белыми, раздуваемыми невидимым ветром. Глаза превратились в два сияющих колодца чистой энергии. По коже рук, от кончиков пальцев до плеч, проступили светящиеся белые руны, в которых отражалось искаженное пространство.

Первый исполин зарычал, формируя из тьмы огромный шип, и бросился на него.

Эйден не стал уклоняться. Он исчез.

Не побегал — он просто стер дистанцию между ними. Раздался хлопок сжатого воздуха, и Эйден материализовался прямо перед монстром. В состоянии абсолютного, холодного берсерка он выбросил вперед руки, охваченные белым пламенем. Его пальцы вонзились в плечи чудовища, пробивая тьму, как раскаленный нож масло.

Пространство вокруг рук Эйдена исказилось. Воздух зазвенел.

Рывок — и обе руки исполина были вырваны с корнем. Раздался не крик, а цифровой, режущий слух визг. Белая энергия хлынула в раны монстра, сжигая его изнутри. Эйден небрежно отшвырнул оторванные конечности в сторону, а самого монстра ударом ноги вбил в землю с такой силой, что по каменным блокам Лабиринта пошли глубокие кратеры.

Второй исполин, осознав, что перед ним, попятился. Издав звук, похожий на вопль ужаса, он развернулся и побегал прямо вверх по отвесной стене, цепляясь тьмой за камни.

Эйден медленно поднял голову. Белый свет в его глазах вспыхнул ярче. Гравитация для него больше не существовала. Он оттолкнулся от пола, взмыв вверх, словно выпущенная из лука стрела. На высоте пятидесяти метров, на узкой площадке стены, он настиг беглеца.

Началась бойня, нарушающая законы физики. Исполин пытался бить тьмой, пускать разрушительные волны, но белая энергия Предвестника просто стирала их из реальности. Эйден не защищался — он шел сквозь атаки. Каждый его удар ломал кости, которых не должно было быть у теневого существа, и рвал материю. Он швырнул монстра на край площадки, придавив ногой.

Истерзанный исполин приподнялся на локтях. Он заглянул в сияющие белые глаза землянина. В красных прорезях маски монстра мелькнуло абсолютное узнавание.

— Этого... не может быть... — прохрипел он, дрожа.

Белая рука Эйдена сомкнулась на его горле. Вспышка — и тело исполина рассыпалось серым пеплом, стертая из самой ткани мироздания.

Эйден остался один на вершине стены. Человеческое сознание не могло удержать столько первозданной мощи. Контроль был потерян окончательно. Из его тела в небо ударил гигантский столб ослепительно-белой энергии. Лабиринт затрясся, многотонные камни начали отрываться от земли и левитировать, само пространство вокруг парня покрылось сеткой трещин, грозясь разорвать полигон на части.

И тут воздух перед ним рябнул.

Из ниоткуда появился Советник Предвестников в своих черно-белых одеждах. Его лицо оставалось невозмутимым. Он подошел к бушующему столбу энергии, словно шагая сквозь легкий бриз, и мягко, почти отечески, положил ладонь на лоб Эйдена.

— Довольно, — тихо произнес Советник. — Спи.

Словно по щелчку выключателя, белый свет погас. Руны на руках исчезли. Эйден потерял сознание и начал падать, но Предвестник легко подхватил его обмякшее тело.

В этот момент в Колизее стояла мертвая тишина.

На гигантских голографических экранах над ареной крупным планом застыло лицо Эйдена с пепельно-белыми волосами, лежащего на руках у Советника.

А затем Колизей взорвался.

Сотни кадетов вскочили с мест. Инструкторы с криками бросились к пультам управления Лабиринта. В VIP-ложах офицеры Эгиды подались вперед, их лица исказились от шока.

Генерал Варис, стоящий на балконе, медленно опустился в кресло. Он смотрел на потухший экран, понимая, что человек, которого он привез с периферии Галактики, только что перевернул баланс сил во всей Конфедерации.

Глава 10 - Последствия

*Когда заглядываешь в бездну,
убедись, что бездна не решит
использовать твои глаза, чтобы
посмотреть на мир*
Из трактатов Предвестников

Сознание возвращалось медленно, пробиваясь сквозь густую, вязкую темноту.

Первым, что почувствовал Эйден, была боль. Она не была острой, как от сломанных ребер. Это была тупая, пульсирующая тяжесть внутри самого черепа, словно его мозг пропустили через центрифугу и попытались впихнуть обратно.

Он с трудом разлепил веки. В глаза ударил мягкий, приглушенный свет. Это был не госпиталь Корпуса, где он очнулся в первый раз. Комната была просторной, с высокими потолками, стены были выкрашены в строгие оттенки серого и белого. Тишина здесь казалась абсолютной, почти неестественной.

— Снова я здесь, — хрипло прошептал Эйден, пытаясь сглотнуть сухость в горле. — Снова потолок чужой больницы.

— Чувство дежавю — это лишь временной сбой в восприятии реальности, — раздался справа спокойный, глубокий мужской голос. — Но в твоем случае оно вполне оправдано.

Эйден медленно повернул голову, борясь с тошнотой.

У огромного окна, за которым виднелись плывущие облака и шпили Элизиума, стоял Советник Предвестников. Он был одет в те же черно-белые одежды, его пепельные волосы спадали на плечи. Он смотрел на Эйдена со смесью профессионального любопытства и странной, скрытой печали.

— Как ты себя чувствуешь? — спросил Советник, отходя от окна и приближаясь к ложу.

Память обрушилась на Эйдена лавиной. Лабиринт. Исполины из тьмы. Хруст ребер. Крик Киры, когда монстр поднял её за горло.

Эйден резко попытался сесть, но тело отозвалось слабостью.

— Кира! — выдохнул он, цепляясь пальцами за края простыни. — Капитан Алари. Где она? Что с ней?

— Успокойся. Дыши ровно, — мягко, но властно приказал Предвестник. От его голоса пульсация в голове немного утихла. — С капитаном Кириэль всё в порядке. Её броня поглотила часть кинетического удара, а целители позаботились об остальном. Она уже выписана из лазарета.

Эйден сел на край кровати. Грудная клетка судорожно вздымалась. Она жива.

— Выписана? — переспросил он, уловив несостыковку. — Но экзамен был только вчера...

— Экзамен был семь дней назад, Эйден, — поправил его Советник. — Ты пролежал без сознания целую неделю. И, откровенно говоря, половина медицинского корпуса Конфедерации не была уверена, что ты вообще проснешься. Твоя нервная система не приспособлена для пропуска энергии такого порядка.

Эйден нахмурился. Он поднял руки, ожидая увидеть те странные светящиеся руны, но кожа была чистой. Ни царапины. Однако, когда он опустил взгляд ниже, он замер.

Прямо напротив ложа висела гладкая металлическая панель, отражающая комнату. Из зеркала на него смотрел он сам. Те же черты лица, те же глаза. Но его темные волосы полностью изменили цвет. Они стали абсолютно пепельно-белыми.

Эйден поднес дрожащую руку к волосам.

— Что со мной произошло? — тихо спросил он. — Что это была за сила? Советник Предвестников подошел ближе, остановившись у края кровати.

— Сила, которая спасла жизнь тебе и твоему куратору, — произнес он. — Сила, которая уничтожила существ, способных стирать целые отряды. Но самое главное, Эйден... это сила, которая тебе не принадлежит.

— Сила, которая тебе не принадлежит? — Эйден нахмурился, чувствуя, как по спине пробежал холодок. — Вы говорите о том самом белом свете.

Советник Предвестников медленно кивнул. Он придвинул кресло и сел рядом с ложем, скрестив руки на груди.

— Мое имя Терон, Эйден. Я представляю аспект Пространства и Времени в Высшем Совете, — начал он, и его голос звучал как эхо в пустом храме. — Прежде чем ты поймешь, что с тобой произошло, ты должен понять, как мы устроены. Магия Конфедерации — это не заклинания из сказок. Это чистая энергия родных звезд наших первозданных миров. Алари, к примеру, черпают силу из пульсаров и магнетаров, Эхоны — из голубых гигантов. Эта связь формируется в момент рождения. И никак иначе.

Терон сделал паузу, внимательно глядя на побелевшие волосы землянина.

— Твой мир, Земля, вращается вокруг обычной желтой звезды, лишенной эфирного резонанса. У тебя не могло быть магии. То, что мы видели в Лабиринте... это результат внешнего, немыслимого вмешательства. Авангард не просто изменил твое тело. Они поместили внутрь тебя нечто чужеродное.

— И что это? — Эйден вспомнил свой сон. Ослепительную фигуру из пепла и света. Пульс, бившийся в такт с его собственным сердцем. — Энергия?

— Если бы это была просто энергия, она разорвала бы твое смертное тело в первые же секунды, — покачал головой Терон. — Нет. Это конструктор куда более сложный. В тебе заключен аспект чужой души. Разумная, живая искра, которая спала внутри тебя, пока стресс и желание защитить не заставили её проснуться.

Эйден шумно выдохнул, откинувшись на подушки. Чужая душа. Значит, он больше не принадлежит себе полностью.

— Чья она? Вы знаете?

В серых глазах Советника мелькнула глубокая, древняя печаль.

— Понять, чья именно это душа, пока невозможно. Но мы точно знаем, какому народу она принадлежала. Это душа Предвестника. И именно поэтому твое существование, Эйден, это чудо, граничащее с невозможным.

Терон встал и подошел к окну, заложив руки за спину.

— Мы, Предвестники — вымирающий вид. Нас осталось всего несколько десятков во всей Галактике. Ты не увидишь нас ни в регулярной армии, ни в патрулях. Больше Предвестников не появляется на свет.

— Но почему?

— Потому что мы потеряли свой дом, — горько ответил Терон. — Тысячелетия назад наши короли развязали междоусобную войну. Брат пошел на брата, расколов наше сообщество. Чтобы не сгореть в огне собственных амбиций, горстка выживших покинула родной мир. Но те, кто мог помнить координаты нашей первозданной звезды, давно мертвы. Мы — последние наследники их знаний, скитальцы без родины. А без света нашей звезды мы не можем рождать новых магов. Наша раса обречена на угасание.

Советник обернулся и посмотрел на Эйдена так пронзительно, словно пытался заглянуть в саму его суть.

— Душа, скрытая в тебе, невероятно древняя. Исполины, напавшие на тебя в Лабиринте — это порождения тьмы из тех забытых времен. Они узнали её. Если бы мы нашли способ достучаться до этой души... поговорить с ней, не разрушив твой разум... она могла бы стать ключом к нашему утраченному миру.

Эйден молчал, переваривая услышанное. Он искал способ спасти свою сестру, а в итоге стал хранилищем надежды для целой вымирающей расы.

— Я не знаю, как с ней говорить, — честно признался Эйден. — Я просто попросил её помочь, когда Киру убивали. И она ответила.

— И этого пока достаточно, — Терон слегка склонил голову. — Тебя больше не будут заставлять проходить экзамены, Эйден. Отныне ты под моей личной защитой, и защитой Корпуса Алари. Отдыхай. Скоро у тебя будут гости.

Советник Предвестников плавно вышел из палаты, оставив Эйдена наедине с гудящими мыслями.

В комнате снова воцарилась абсолютная тишина. Эйден посмотрел на свои руки. Чистая кожа. Никаких светящихся рун. Но теперь, когда он знал, что искать, он чувствовал *её*. Там, за грудиной, бился второй пульс. Ровный, медленный, словно спящий океан, таящий в своих глубинах сокрушительный шторм.

«Ты спасла меня, — мысленно произнес Эйден, обращаясь в пустоту внутри себя. — Но как мне управлять тобой?»

Ответа не последовало. Усталость, накопившаяся за неделю комы, взяла свое. Глаза Эйдена закрылись, и он провалился в сон.

И снова он оказался не в своей памяти.

На этот раз не было пепла и пустоты. Эйден стоял на широком балконе, высеченном из белого, искрящегося камня, у самого края невысказанно высокого обрыва. Перед ним раскинулась невероятной красоты даль. Огромные шпили из жемчужного металла парили прямо в воздухе, соединенные мостами из уплотненного света. Небо над миром было не синим, а глубоким, переливающимся перламутром, в центре которого сияла гигантская, ослепительно-белая звезда.

Но даже её свет мерк на фоне того, что возвышалось на горизонте. Колоссальное, пронзающее небеса Древнее Древо. Его ветви, казалось, поддерживали сам небосвод, а листья мерцали мягким светом, словно хранили в себе знания целой вселенной.

Эйден не мог пошевелиться, он был лишь зрителем, смотрящим чужими глазами.

Вдруг перспектива изменилась. Он понял, что смотрит на кого-то, кто стоял впереди, у самого края обрыва, вглядываясь в Древо.

Это была фигура, закованная в изящные, сияющие доспехи, выкованные из неизвестного, светлого металла, по которому вились сложные геометрические узоры. Над головой этой фигуры медленно вращался венец, сотканный из чистого, пульсирующего света. От нее исходила аура не просто силы — это было нечто мощное и необузданное, величественное и благородное. И в то же время Эйдена захлестнула волна чужеродных, подавляющих эмоций: чудовищный гнев, смешанный с разрывающей сердце печалью.

Внезапно горизонт за спиной фигуры вспыхнул багровым. Прекрасные парящие шпили начали крениться, рушиться, падая в бездну. Небо раскололось, тьма начала наползать на Древнее Древо, окутывая его корни.

Фигура в доспехах не дрогнула, но из её груди вырвался шепот. Это был не голос, а скорее чистая мысль, прозвучавшая одновременно и в разрушающемся мире, и прямо в мозг Эйдена:

«Они ослепли от гордыни. Мой дом падает во тьму...»

А затем фигура медленно повернула голову и посмотрела прямо на Эйдена. Сквозь время. Сквозь саму смерть.

Свет ослепил его.

Эйден резко сел на кровати, тяжело дыша.

В палате было тихо. Солнца Элизиума уже стояли в зените. На лбу выступила испарина, но пульс в груди был спокойным. Он видел того, чья искра теперь делила с ним одно тело. Но кто это был, правитель, воин или бог — оставалось загадкой.

Два часа спустя Эйдена выписали.

Процедура прошла на удивление быстро и в полном молчании. Медики Корпуса, ранее относившиеся к нему с легким пренебрежением, как к дикарю, теперь отводили взгляды. Они старались не смотреть на его белые волосы, а когда передавали ему свежую форму, их руки заметно дрожали.

Эйден надел темно-серую куртку. В отражении металлической панели он всё еще не мог привыкнуть к своему новому лицу. Пепельные волосы делали его черты резче, старше.

Он вышел из медицинского крыла через автоматические двери, оказавшись на широкой террасе, залитой светом двух солнц. Прохладный ветер обдул лицо, принося запахи местной листвы и озона.

— Идет тебе этот цвет, землянин.

Эйден обернулся. У мраморного парапета, скрестив руки на груди, стояла Кира.

Она была одета в простую, неформенную одежду — темные брюки и свободную куртку с высоким воротником, который, впрочем, не мог скрыть багрово-синие следы от огромных пальцев на её шее. На скуле виднелась свежая ссадина, а движения были чуть скованными.

Эйден почувствовал, как внутри что-то тяжело ухнуло.

— Как ты? — спросил он, подходя ближе. Его взгляд невольно задержался на синяках на её шее.

Кира проследила за его взглядом и чуть подняла воротник, закрывая следы.

— Жить буду. Целители Алари знают свое дело. Главное, что крыло не пострадало, — её голос звучал ровно, но в нем проскальзывали хриплые нотки. Она внимательно посмотрела на Эйдена. — Ты нас здорово напугал. Вся Академия только и гудит о том, что произошло в Лабиринте.

Эйден отвел взгляд.

— Я... я не помню почти ничего с того момента, как тот монстр схватил тебя. Только белый свет и ярость. Бесконечную ярость. Спасибо, Кира. Если бы ты не вмешалась, меня бы уже не было.

— Если бы ты не разнес Исполинов на куски, нас бы обоих не было, — Кира чуть склонила голову. В её глазах мелькнуло уважение, смешанное с осторожностью. — Мы в расчете, землянин. Но с этого момента всё меняется.

Она оттолкнулась от парапета.

— Пойдем. Тебе нужно проветриться, а нам — поговорить без лишних ушей.

Они спустились с террасы и направились в сторону восточного крыла Академии. Там, вдали от шумных полигонов, располагались Сады Эриан — огромный парковый комплекс, где мастера природы выращивали экзотические растения со всей Конфедерации.

Воздух здесь был влажным, напоенным ароматами цветов, чьи бутоны светились в тени раскидистых деревьев. Журчание искусственных ручьев заглушало звуки города.

Они нашли уединенную скамью из белого камня под сводами плакучей ивы с серебристыми листьями. Кира села первой, чуть поморщившись от боли в ушибленном боку. Эйден опустился рядом.

— Что произошло, пока я был в отключке? — спросил он, глядя на проплывающих в ручье светящихся рыб. — Кроме того, что я поседел.

— Многое, — Кира вздохнула. — Твоя демонстрация силы сорвала экзамен. Инструкторам пришлось экстренно эвакуировать кадетов из Лабиринта, потому что твоя выброшенная энергия начала разрушать симуляцию.

— Вейл?

— Жив и цел. И, кажется, впервые в жизни по-настоящему напуган, — усмехнулась Кира. — Тарик и Лайра тоже в порядке. Они оба спрашивали о тебе каждый день.

Эйден слабо улыбнулся. Осознание того, что в этом чужом мире у него появились люди, которым небезразлична его судьба, согрело.

— Но это не самое важное, — Кира стала серьезной. — Эгида. Их офицеры были в ярости. Они требовали забрать тебя в свою цитадель. Называли тебя нестабильным оружием, которое Конфедерация обязана взять под строгий контроль. Они хотели изолировать тебя, Эйден. Навсегда.

Эйден напрягся, его руки рефлекторно сжались в кулаки.

— Почему я всё еще здесь?

— Потому что вмешался Терон, — ответила Кира. — Советник Предвестников. Он использовал всё свое влияние и право вето, чтобы оставить тебя в Корпусе. Генерал Варис его поддержал. Они убедили Эгиду, что ты — единственный ключ к пониманию Авангарда, и что

изоляция только навредит. Эгида отступила, но они оставили здесь своих наблюдателей. За тобой будут следить.

— Значит, я теперь не просто аномалия. Я ходячая бомба, за которой приглядывает правительство, — Эйден потер лицо руками. — Отлично. А что насчет Земли? Варис обещал...

— Запросы в разведку отправлены. Но подготовка стелс-фрегата приостановлена, — тихо сказала Кира.

Эйден резко повернулся к ней.

— Что?! Почему?

— Потому что ты не контролируешь свою силу, Эйден, — в глазах Киры читалась суровая непреклонность. — Если в Лабиринте ты чуть не разнес полигон, то на борту корабля, в состоянии стресса, ты можешь случайно пробить брешь в обшивке или выдать нашу позицию Авангарду. Варис не рискнет отправлять команду на Землю, пока ты не докажешь, что можешь управлять этой силой.

Она подалась вперед, глядя ему прямо в глаза.

— У тебя есть месяц. Тебе нужно научиться сдерживать эту белую энергию. Иначе миссия спасения будет отменена.

— Месяц, — эхом повторил Эйден, глядя на свои руки. Месяц на то, чтобы приручить чужую древнюю душу, которая в порыве ярости стерла из реальности трехметрового монстра. Звучало как невыполнимая задача. — И кто будет меня учить? Советник Терон?

Кира покачала головой.

— Терон — политическая фигура. За ним следят гвардейцы Эгиды. Если он начнет лично тренировать тебя на глазах у всей Академии, Эгида решит, что Предвестники готовят личное оружие для собственных амбиций или захвата власти. Это спровоцирует раскол. Поэтому Терон будет наблюдать издали.

— Тогда кто? Ты?

— Я солдат, Эйден. Я могу научить тебя убивать, но не медитировать, — Кира слегка усмехнулась. — Твой наставник уже здесь.

Она кивнула в сторону извилистой дорожки, ведущей вглубь сада.

Из тени светящихся деревьев медленно вышел пожилой Эриан, опирающийся на деревянный посох. Тот самый лектор по истории Конфедерации, с которым Эйден разговаривал в архиве накануне Лабиринта.

Старик приблизился, его зеленые глаза лучились спокойствием.

— Рад видеть вас на ногах, кадет Эйден, — мягко произнес он, кивнув.

Эйден поспешно встал.

— Мастер... я не знаю вашего имени.

— Мое имя Илан, — старик оперся на посох двумя руками. — И я старый друг Советника Терона. Он попросил меня помочь тебе найти баланс.

— При всем уважении, мастер Илан, — Эйден нахмурился, — вы Эриан. Ваша магия — это природа, рост, материя. А то, что сидит во мне... оно стирает материю. Искажает пространство. Как вы можете научить меня тому, чем сами не владеете?

Илан тихо рассмеялся. Звук был похож на шелест сухих листьев.

— Чтобы научить человека управлять парусником в шторм, наставнику не обязательно уметь вызывать ветер, Эйден. Достаточно знать, как держать штурвал. Сила Предвестников — это океан. Если ты попытаешься подчинить её силой, как учат Эхоны, она разорвет тебя. Твой единственный путь — это гармония. Ты должен научиться пропускать её через себя, не позволяя ей захватить твой разум.

Кира поднялась со скамьи.

— Я оставляю его на вас, мастер Илан, — она посмотрела на Эйдена. — Я буду ждать на полигоне. Когда он разрешит тебе вернуться к боевым тренировкам, мы проверим, чему ты научился. Не подведи нас, землянин.

Она развернулась и скрылась за деревьями.

Илан указал посохом на пустую каменную скамью.

— Садись, Эйден. У нас мало времени и много работы.

Эйден послушно сел, выпрямив спину. Он приготовился к лекции о потоках энергии, но старик неожиданно поднял с земли обычный гладкий камень, размером с кулак, и протянул его землянину.

— Для начала, — произнес Илан, — я хочу, чтобы ты призвал свою силу. Не во время угрозы жизни, не в состоянии аффекта. Сделай это осознанно. Сейчас.

Эйден сглотнул. Он взял камень. Тот был холодным и тяжелым.

— Я не знаю как. В Лабиринте я просто... попросил её.

— Попроси снова. Но на этот раз попроси лишь каплю. Направь свет в этот камень. Попробуй заставить его левитировать, используя искажение пространства.

Эйден закрыл глаза. Он попытался отыскать внутри себя тот второй пульс, ту могущественную, древнюю фигуру.

«Помоги мне», — мысленно позвал он.

Глубоко в груди шевельнулся холодок. Он почувствовал, как энергия откликается, но она не была покорной. Она рванулась вверх, как голодный зверь, почуявший свободу. Эйден попытался сжать её рамками своего аналитического ума, направить лишь тонкую струйку в правую руку.

Воздух вокруг его ладони неуловимо дрогнул.

— Держи контроль, — предупредил Илан.

Эйден стиснул зубы. Камень в его руке начал вибрировать. Кожа на пальцах землянина на секунду вспыхнула белым светом. Он попытался приподнять камень над ладонью...

Раздался резкий, сухой хлопок.

Камень не взлетел. Он просто исчез.

Вместо него в воздухе повисла горстка серого пепла, которая медленно осыпалась на колени Эйдена.

Эйден открыл глаза, тяжело дыша, и с ужасом посмотрел на пустую руку.

— Я не хотел его уничтожать, — прошептал он. — Я даже не почувствовал, как это произошло.

Илан задумчиво почесал подбородок.

— Что ж. Впечатляющая деструктивность. Твоя энергия не понимает концепции «малого». Она привыкла решать задачи радикально. Если бы ты сейчас попытался левитировать самого себя, ты бы, скорее всего, стер себе ноги.

Старик тяжело вздохнул и опустил на траву напротив скамьи, скрестив ноги.

— Нам придется начать с самых азов, Эйден. С дыхания. С очищения разума от цифр и алгоритмов. Тебе придется забыть всё, чему тебя учили на Земле.

— Забудь всё, чему тебя учили на Земле, — произнес мастер Илан. — Цифры, алгоритмы, графики — всё это рамки. Предвестники не вычисляли путь сквозь пространство, они *чувствовали* его.

Так начался самый страшный месяц в жизни Эйдена.

Если на полигоне мастер Ворн ломал его тело, то в Садах Эриан Илан пытался собрать воедино его трещащий по швам разум.

Обучение не имело ничего общего с красивой левитацией листьев. Эйден — человек, рожденный в мире без магии. Его кровеносная и нервная системы не были предназначены для того, чтобы пропускать через себя энергию древней звезды.

Каждая попытка сознательно прикоснуться к силе, скрытой за грудиной, приносила невыносимую агонию. Стоило Эйдену потянуться к белому свету, как его вены вздувались, чернея под кожей. Кровь шла из носа и ушей, а мышцы сводило судорогой такой силы, что он кричал, падая на траву. Мастеру Илану приходилось часами использовать исцеляющую магию Эриан, чтобы сращивать микроразрывы в органах землянина.

Но физическая боль была лишь половиной кошмара.

Ментальный барьер между Эйденем и чужой душой становился всё тоньше. Её скорбь по уничтоженному миру, её первобытный, обжигающий гнев — начали просачиваться в его сознание.

Эйден перестал спать. Стоило ему закрыть глаза, как он видел падающие в бездну белые шпильки и чувствовал вину, которая ему не принадлежала. Он начал путать свои воспоминания с её. Иногда он ловил себя на том, что смотрит на технологичные башни Элизиума и чувствует к ним лишь брезгливое презрение древнего божества.

Он терял себя.

Третья неделя.

Эйден сидел на земле, тяжело дыша. Его руки дрожали, на губах запеклась кровь.

— Я не могу, — прохрипел он, глядя на Илана. — Она слишком огромна. Я пытаюсь направить её, но она просто выжигает меня изнутри.

Старый Эриан опирался на посох, с сочувствием глядя на парня.

— Ты всё ещё пытаешься подчинить её, Эйден. Как инженер подчиняет машину. Но это не машина. И ты никогда не станешь для неё хозяином.

— Тогда что мне делать?! — сорвался Эйден, ударив кулаком по земле.

— Построй плотину, — тихо ответил Илан. — Не пытайся управлять рекой. Просто возведи стену в своем разуме. Закрой её. Изолируй. Твоя цель сейчас — не научиться магии Предвестников. Твоя цель — научиться быть человеком, внутри которого она заперта.

И Эйден начал строить стену.

Используя свой аналитический, земной ум, он выстраивал в подсознании ментальные блоки, слой за слоем, алгоритм за алгоритмом, отделяя себя от ярости Королевы. Это требовало чудовищной концентрации, каждую секунду его жизни.

Он не научился поднимать камни. Он не научился телепортироваться. Но к концу четвертой недели он научился главному: белый свет больше не рвался наружу. Пульс в груди затих, придавленный тяжестью его воли.

Конец четвертой недели. Доки Элизиума.

Гигантские металлические ангары, вырубленные прямо в скальном массиве орбитального кольца, гудели от работы техники.

В закрытом секторе стоял стелс-фрегат «Ночной Странник». Матово-черный, похожий на хищную рыбу, он поглощал свет прожекторов.

Эйден стоял у трапа. На нем была плотная, черная боевая экипировка десантника, подогнанная точно по фигуре. Его пепельно-белые волосы были коротко стрижены, а лицо осунулось, обзаведясь резкими тенями под глазами. Он выглядел старше своих двадцати четырех.

Рядом с ним нервно переминался с ноги на ногу Тарик, одетый в такую же броню.

— Не могу поверить, что мы реально летим, — бормотал блондин, сжимая в руках кинетическую винтовку.

Но Эйден не разделял его энтузиазма.

За час до прибытия в доки его вызвали не в штаб Корпуса, а в изолированный отсек, где его ждали люди, не носившие ни символики Алари, ни мантий магов. Это были офицеры в черных мундирах без знаков различия — гвардейцы Эгиды. Цепные псы, которые подчинялись только Архонту, существенная часть из них ненавидела магические аномалии.

Они не стали задавать вопросов. Два гвардейца-телепата насильно удерживали Эйдена, пока третий выжигал на его груди, прямо над сердцем, сложный металлический имплант-руну.

«Печать блокировки», — холодно объяснил ему офицер Эгиды. Если Эйден попытается высвободить больше двадцати процентов силы Предвестника, или если его ментальный барьер рухнет — имплант активируется, впрыскивая в его сердце нейротоксин и одновременно посылая шоковый разряд, который выжжет его нервную систему, чтобы он никому не достался.

Гвардия Архонта не собиралась отпускать ядерную бомбу на Землю без детонатора.

И самое страшное — Эйден знал, у кого находится пульт управления этой Печатью.

По трапу к ним спустилась Кира.

Она была в полной броне капитана Алари, темно-серой, с закрепленным на поясе шлемом. Её взгляд был строгим, как у машины.

— Кадеты, — её голос звучал по-офицерски сухо. — Добро пожаловать на борт. Наш экипаж минимален: пилот Джарек, бортинженер Орин, наш оружейник Бренна и мы трое. Миссия исключительно разведывательная. Мы ложимся на дрейф у темной стороны Луны и разворачиваем оптику. В контакт с Авангардом не вступаем. Если нас обнаружат — мы уходим. Это ясно?

— Так точно, капитан, — ответил Тарик.

Эйден промолчал. Он смотрел прямо в глаза Кире. Она ответила ему долгим, тяжелым взглядом, и в её глазах Эйден увидел затаенную боль. Она знала о Печати. Гвардия Архонта отдала приказ ей. Если он сорвется, она будет обязана нажать кнопку.

«Она сделает это», — с леденящей ясностью понял Эйден. Кира — солдат Конфедерации. Она спасла его, она была его куратором, но если встанет выбор между ним-монстром и безопасностью миссии — она нажмет кнопку.

Он летел искать Хлою не как герой, а как пленник с бомбой на шее.

Эйден молча кивнул, отвернулся от Кире и шагнул на трап корабля.

Несколько минут спустя «Ночной Странник» беззвучно отделился от орбитальной станции, окутался искажающим маскировочным полем и растаял в бесконечной пустоте космоса, взяв курс на мертвую, оккупированную Солнечную систему.

Глава 11 - Шепот в пустоте

*Шаг в неизвестность опасен не
тем, что под ногами может
оказаться пропасть. А тем, что на
ее дне тебя уже ждут*

«Ночной странник» не был похож на корабли, которые Эйден привык видеть на экранах земных обсерваторий, и уж тем более не походил на сияющие золотом и био-камнем шпили Элизиума. Это был хищник, выкованный для темноты.

Узкие, давящие коридоры пахли перегретым озоном, оружейной смазкой и застоявшимся рециркулированным воздухом. Никаких панорамных иллюминаторов, никакой показной роскоши — только матово-черные композитные переборки, переплетенные пучками светящихся кабелей и био-эфирными трубками, по которым пульсировала зеленоватая охлаждающая жидкость. Каждый квадратный сантиметр пространства здесь служил единственной цели: поглощать радарные импульсы, гасить тепловые следы и прятать экипаж от всевидящих глаз космоса.

В крошечной кают-компании, едва вмещавшей металлический стол и четыре жесткие койки, мерцал тусклый аварийный свет.

Эйден сидел на краю нижнего яруса, машинально растирая грудь сквозь плотную ткань черной тактической брони. Под пальцами, прямо над сердцем, отчетливо прощупывался холодный металлический диск. Печать «Эгиды». Она не причиняла острой боли, но пульсировала в такт пульсу мерзким, ледяным покалыванием — словно под кожу загнали осколок жидкого азота. Пять процентов. Ровно столько звездного эфира позволял выпустить этот имплант, прежде чем встроенные ампулы с нейротоксином превратят его кровь в горящий яд.

— Если ты продолжишь так тереть, прожжешь дыру в комбесе, — раздался хриплый голос напротив.

Тарик сидел за столом, с мрачной решимостью ведя войну против стандартного пищевого пайка Конфедерации. В его походном контейнере колыхалась серо-стальная студенистая масса.

— Это отвратительно, — вынес вердикт кадет Алари, брезгливо ковыряя пасту пластиковой ложкой. — Клянусь пламенем, интенданты на Праксисе намеренно перемалывают сюда изоляцию от кабелей. Эйден, ты рассказывал про ту вашу... «пепперони»? Напомни еще раз, из чего ее делают? Хочу представить нормальную еду, пока давлюсь этой синтетикой.

Эйден слабо усмехнулся, хотя улыбка вышла натянутой.

— Из мяса, томатов, плавленого сыра и острых специй. И ее запекают в печи до хрустящей корочки.

Тарик издал страдальческий стон и запрокинул голову, уставившись в низкий потолок:

— Зачем ты так со мной? Я же теперь буду видеть ее во снах. Моя искра настолько слаба, что я даже подогреть эту серую дрянь толком не могу — только посуду закоптил.

Шипящий звук гидравлики прервал их диалог. Тяжелая гермодверь отъехала в сторону, и в кают-компанию протиснулась Бренна. Ее багровые волосы были стянуты в тугий небрежный узел, на скуле чернело пятно технического масла, а на плече покачивался массивный импульсный ключ полуметровой длины. Окинув кадетов цепким взглядом золотисто-карих глаз, оружейница хмыкнула:

— Хватит скулить, салага. Скажи спасибо, что Орин настроил синтезатор на углеводы, а не на чистый белковый концентрат. В прошлом рейде через туманность Ориона мы три недели жрали пасту со вкусом прессованного мела.

Она с грохотом опустила ключ на край стола, заставив поднос Тарика подпрыгнуть, и оперлась о переборку.

— Ты как, земной? — прямо спросила она, кивнув на грудь Эйдена. — Движки выходят на предсбросовую мощность. Гравитационные перегрузки при скольжении у нас жесткие. Твой ошейник не замкнет?

— Инженеры «Эгиды» заверили, что изоляция выдержит и прямое попадание кинетического снаряда, — ровно ответил Эйден. — Так что я в порядке.

— «Эгида» всегда так говорит, пока чьи-то кишки не размажет по переборкам, — фыркнула Бренна, но в ее голосе не было злобы — скорее привычная армейская грубоватость.

Следом за ней в отсек почти бесшумно скользнул Орин. Старший бортинженер-Эриан выглядел так, словно не спал последние четверо суток. Его просторная серо-зеленая форма была усеяна датчиками, а длинные пальцы непрерывно подрагивали, сверяя показания на наручном паде.

— Бренна, я просил тебя не бросать инструменты на виброкомпенсаторы стола, — нервно пробормотал Орин, протягивая Эйдену небольшую матовую флягу. — Выпей. Это настойка корней сердолика с Элизиума. Подавляет мышечные спазмы вокруг импланта. Тело бунтует против чужеродного металла, я вижу микрофлуктуации в твоём биополе даже отсюда.

— Спасибо, — искренне произнес Эйден, принимая флягу. Жидкость внутри пахла влажной землей и хвоей, но на вкус оказалась неожиданно мягкой, разливаясь по пищеводу приятным теплом, притупившим холодную иглу в груди.

— Только не привязывайся к нему, Орин, — лениво протянул голос из коридора.

В проеме появился Джарек. Пилот-Эхон двигался с той текучей, небрежной грацией, которая выдавала врожденных манипуляторов гравитацией. Его тонкие губы кривила легкая, снисходительная усмешка, но в холодных голубых глазах читался острый, как скальпель, расчет.

— Нашему гостю с Периферии еще предстоит пережить выход из тени Луны. А если он ненароком решит выдать еще один выброс белого спектра прямо посреди моей рубки — собирать этот корабль по винтикам придется в другом измерении. Без обид, кадет. Чистая физика.

— Если я решу взорваться, Джарек, поверь — я сделаю это за бортом, чтобы не портить твою летную книжку, — не остался в долгу Эйден, спокойно встретив его ледяной взгляд.

Джарек на секунду прищурился, а затем коротко осклабился:

— А он мне начинает нравиться. Зубы есть, хоть и дикарь. Ладно, до выхода из прыжка пятнадцать минут. Капитан ждет нас в арсенале через пять. Не опаздывайте, иначе она заставит вас вручную чистить теплообменники.

Эйден покинул шумную кают-компанию раньше остальных. Тяжелый гул субпространственного перехода давил на виски, но еще сильнее давила неопределенность. Они возвращались туда, где все началось. Туда, где он нажал кнопку передачи.

Направляясь по узкому коридору к арсеналу, он заметил тусклый полос света, пробивающийся из приоткрытого грузового кармана технической палубы — глухого тупика между стеллажами с запасными батареями.

Эйден бесшумно заглянул внутрь и замер.

Кира сидела на перевернутом контейнере из-под кинетических патронов. Ее тяжелая офицерская кираса лежала рядом, обнажая серую форменную майку и рельефные, перевитые сухожилиями плечи. Бордово-красные волосы были распущены и густыми прядями падали на лицо, скрывая его от верхнего плафона.

Она не слышала его шагов. Капитан Корпуса, грозная «Сломанная Валькирия», заставлявшая трепетать кадетов Академии, держала в руках потрепанный блокнот в толстом переплете из грубой темной кожи. В ее тонких, привыкших к рукояти меча пальцах был зажат кусочек рисовального угля.

Эйден скользнул взглядом по странице и почувствовал, как по спине пробежал мороз.

Это был рисунок Лабиринта.

Углем, с поразительной точностью и экспрессией, были выведены циклопические стены древних руин. В центре композиции клубилась трехметровая, осязаемая масса абсолютной тьмы — Исполин с оскаленной багровой пастью. А напротив него стояла фигура с запрокинутой головой и развевающимися волосами. Вокруг фигуры Кира штрихами белого мела нанесла яростные, ослепительные лучи, разрывающие ткань пространства.

Эйден узнал себя. Но на рисунке он не казался испуганным земным парнем. Это было существо из древних мифов — разрушительное, прекрасное и чудовищно одинокое.

— Подглядывать за старшими по званию — нарушение устава, кадет, — не поднимая головы, сухо произнесла Кира. Ее рука с углем замерла в воздухе.

Эйден не стал оправдываться. Он медленно шагнул в освещенный круг.

— Не знал, что на Элизиуме учат так рисовать.

Кира захлопнула блокнот с глухим стуком, спрятав уголь в поясной подсумок. Движение было резким, почти защитным. Она подняла глаза — усталые, окруженные тенями бессонницы, но по-прежнему пронзительные.

— На Элизиуме учат жечь, колоть и побеждать, — тихо ответила она, натягивая перчатку. — А это... способ помнить. Когда день за днем видишь только кровь, приказы и пепел, нужно оставлять след чего-то настоящего. Иначе однажды проснешься и поймешь, что внутри тебя ничего, кроме выжженной пустоты, не осталось.

Она посмотрела на него прямо, и ее взгляд невольно опустился на его грудь, где под тканью темнел контур печати. Ее правая рука рефлекторно дернулась к левому бедру — к небольшому бронированному карману, где лежал передатчик с единственной кнопкой ликвидации. Эйден перехватил это движение, но не отвел глаз.

— Ты нарисовала меня монстром, — негромко сказал он.

— Я нарисовала то, что видела, — парировала Кира, поднимаясь на ноги. Она оказалась почти вровень с ним, ее присутствие подавляло, пахло железом и тлеющим пламенем Алари. — В тот день в Лабиринте ты спас мне жизнь, Эйден. Но сила, которая разорвала того Исполина на куски... она не принадлежит этому миру. Она пугает меня больше, чем вся армада Авангарда.

— Думаешь, меня она не пугает? — с горькой усмешкой отозвался он. — Я просыпаюсь каждую ночь от ощущения, что чужие воспоминания выжигают мой собственный мозг. Я не просил этот свет, Кира.

Она помолчала несколько секунд, вглядываясь в его поседевшие волосы и жесткие черты лица. Лед в ее взгляде на мгновение треснул, уступив место едва заметной человеческой горечи.

— Я знаю, — глухо произнесла капитан. — Но у Вселенной паршивое чувство юмора. Мы оба несем на себе то, о чем не просили.

Она взяла свою кирасу с ящика, привычным, выверенным движением защелкнула замки на плечах и снова стала негибачимым офицером.

— Пора. Скоро выход в реальное пространство. Посмотрим, что осталось от твоего дома.

На ходовом мостике царил полумрак, рассекаемый лишь синеватым свечением голографических проекторов и индикаторов приборов. Вся команда была на местах.

В центре возвышался тактический стол, проецирующий трехмерную схему системы Сол. Желтый карлик в центре, цепочка планет. Третья орбита пульсировала тусклым алым маркером неизвестного статуса.

— Минутная готовность, — монотонно произнес Джарек, не отрывая взгляда от навигационной консоли. Его пальцы танцевали над сенсорными панелями, перераспределяя потоки магии гравитации по носовым компенсаторам. — Пространственный разрыв через три... две... одну... Выход.

Корпус фрегата содрогнулся от глухого удара, словно они врезались в толщу плотной воды. Реальность за внешними датчиками резко схлопнулась: смазанные полосы гиперпространства замерли, превратившись в россыпь неподвижных, колющих звезд.

— Системы маскировки активны, — напряженно доложил Орин, его голос звенел от стресса. — Био-обшивка поглотила девяносто восемь процентов теплового выброса. Сенсорные буи Авангарда нас не засекли. Мы в слепой зоне.

Прямо по курсу, заполнив собой обзорные экраны, висел гигантский, изрытый кратерами шар. Безжизненный, пепельно-серый, холодный.

— Луна, — выдохнул Тарик, вглядываясь в панораму. — Мы зашли с обратной стороны?

— Именно, — Джарек слегка наклонил штурвальную колонку. — Скалы экранируют наше гравитационное возмущение. Если на Земле кто-то и следит за орбитой, для них мы — просто еще один космический булыжник. Ложимся на перигей. Огибаем спутник через сорок секунд.

Эйден не слушал разговоров. Его сердце колотилось где-то в горле. Он подошел к пустующему терминалу радиоэлектронной разведки и натянул на голову тяжелые сенсорные наушники.

Это было его стихией. До того, как его мир сторел, до того, как его тело наполнили чужой магией и заперли в бронированный панцирь, он был радиоастрономом. Он знал околоземное пространство наизусть. Оно никогда не спало. Окрестности Земли всегда представляли собой яростный, оглушительный океан шума: плотный гул коротких волн, шипение метеорологических спутников, непрерывные потоки телеметрии МКС и лунных баз, миллионы голосов, радиостанций, сигналов бедствия и цифрового трафика. Земля кричала в космос каждую микросекунду своего существования.

Эйден опустил тумблер широкополосного сканера на полную мощность.

В наушниках зашипел статический шум детектора.

Затем щелчок. Настройка на стандартные частоты NASA.

Тишина.

Переключение на аварийный диапазон гражданской обороны.

Тишина.

Военные зашифрованные каналы. Диапазоны сверхдлинных волн для связи с подлодками. Коммерческие спутники связи. Спутниковая группировка GPS.

Ничего.

Не было даже привычного белого шума атмосферных гроз. Только пустота. Абсолютная, плотная, стерильная тишина, словно кто-то накрыл целую планету колоссальным саваном и выкачал из нее саму способность звучать.

— Эйден? — Кира подошла к нему сзади, положив тяжелую ладонь в перчатке ему на плечо. — Что там?

Эйден медленно снял наушники. Его руки мелко дрожали, пальцы побелели от напряжения.

— Она молчит, — глухо сказал он. Его голос сорвался. — Ни военных баз, ни аварийных радиомаяков, ни гражданских станций. Вообще ничего. Будто там никого не осталось.

— Выходим из лунной тени, — негромко, растеряв весь свой цинизм, предупредил Джарек.

«Ночной странник» плавно скользнул над изломанными серыми хребтами спутника, и перед мостиком во всем величии развернулась панорама Земли.

Тарик тихо ахнул. Орин замер, уронив свой падд на пол.

Это больше не был сияющий голубой мрамор с белыми завитками циклонов, который Эйден помнил всю свою жизнь.

Океаны казались мутными, свинцово-серыми, словно затянутыми маслянистой пленкой. Зеленые материки покрывали гигантские темные проплешины выжженной земли, видимые даже с орбиты. Но страшнее всего была атмосфера: над всей ночной стороной планеты не горело ни единого огня городов. Ночной мегаполис восточного побережья Америки, огни Европы, яркие паутины дорог Азии — все было погружено в непроглядный мрак. Вместо этого в верхних слоях ионосферы пульсировали странные, неестественные геометрические разломы

— багрово-фиолетовая сеть энергетических возмущений, сковывавшая планету правильными октаэдрами.

Планета не просто пала. Она находилась под вивисекцией.

— Великие звезды... — прошептала Бренна, сжимая кулаки так, что затрещали суставы. — Что они с ней сделали?

— Регулярная армия не смогла бы сотворить такое за час, — процедила Кира, ее челюсти сжались, а глаза опасно сверкнули багровым отблеском ее пламени. — Это не оккупация. Это методичный сбор ресурсов. Джарек, держи дистанцию, не снижайся за пределы геостационара.

— Пытаюсь, кэп, но тут чертовски странные гравитационные флуктуации, — пилот напряженно считывал меняющиеся руны на дисплее. — Атмосферная сеть глушит все наши сканеры. Поверхность для нас — слепое пятно. Мы даже не знаем, где их базы.

В этот момент терминал связи под руками Эйдена внезапно издал резкий, надсадный писк.

Одиночный зеленый индикатор на панели моргнул. Затем еще раз.

Пип. Пип. Пип.

— Фиксирую передачу, — мгновенно вскинулся Эйден, вцепившись в консоль. — Частота 121.5 мегагерц. Старый военный УКВ-диапазон!

— Источник? — резко развернулась Кира.

— Координаты... Северная Америка, район горного хребта Аппалачи. Старый бункер объединенного командования связи, — пальцы Эйдена лихорадочно вбивали команды, расшифровывая слабый, тонущий в помехах импульс. — Сигнал аналоговый, слабой мощности. Пробивается сквозь их багровую сеть в узком атмосферном окне. Это... это земной код бедствия.

— Ловушка? — глухо спросил Тарик, глядя на капитана. — Слишком удобно. Планета мертва, но как только мы выходим из-за Луны, прямо под нами начинает пищать маяк.

— Конечно, это может быть ловушкой, — холодно ответила Кира. Но ее взгляд упал на лицо Эйдена.

Землянин смотрел на мерцающую точку на карте с отчаянной, пожирающей надеждой. Если там, внизу, в бункере, еще были живые связисты... там могли быть списки выживших. Списки тех, кого забрали. Там могла быть зацепка о Хлое.

— Орин, сможешь настроить посадочный модуль на пассивное падение? — спросила Кира, принимая решение.

— С-смогу, — заикнулся инженер. — Если Джарек сбросит вас по баллистической траектории, как метеорит. Но если нас засекут в атмосфере, «Странник» не сможет прикрыть вас с орбиты, не раскрыв свою позицию.

— Значит, мы будем действовать тихо, — отрезала Кира и повернулась к Эйдену и Тарику. — Десантная группа — в шлюзовой отсек. Проверить оружие и системы фильтрации. Мы спускаемся в ад.

Глава 12 - Пепел Аппалаче

Самая опасная ловушка — не та, что вырыта на чужой земле, а та, которую враг расставил у дверей твоего отчего дома

<i>Из наставлений Корпуса по выживанию на Оккупированных Территориях</i>

Спуск сквозь атмосферу Земли напоминал падение в жерло просыпающегося вулкана.

Посадочный челнок «Ночного странника» падал камнем. Никаких тормозных маневров дюз, никакой тяги маршевых двигателей — только слепая, жестокая баллистика свободного падения. Включение любого активного реактора в верхних слоях ионосферы высветило бы их на радарх Авангарда ярче сверхновой.

Корпус челнока визжал и содрогался от колоссального сопротивления воздуха. Композитные теплозащитные экраны за бортом раскалились до слепящего оранжевого свечения. Внутри десантного отсека было нестерпимо душно; пахло паленой синтетикой, ионизированным газом и холодным потом.

— Угол входа тридцать два градуса! — перекрывая оглушительный вой обшивки, кричал Тарик из пилотского кресла. Его пальцы белели на рычагах ручного управления, а лицо казалось серым от перегрузки в четыре «же». — Скорость тридцать пять сотен! Нас сносит на восток, в сектор плотного узла сети!

— Держи крен! — рявкнула Кира.

Она стояла у центрального поручня позади него, удерживая равновесие с неестественной легкостью, словно законы инерции на нее не действовали. Ее пальцы в бронированной перчатке намертво впились в металл поручня, костяшки побелели, а в глазах плясали яростные алые отблески.

— Орин ведет нас по тепловой бреши! — крикнул Эйден, пристегнутый в соседнем ложементе. Он лихорадочно сверял поток телеметрии, пробивающийся сквозь помехи с орбиты. — Плотность ионного экрана над Аппалачами минимальна. Если Джарек рассчитал гравитационный вектор верно, нас примет тень хребта!

В наушниках сквозь стену треска и воя прорвался панический голос инженера с «Ночного странника»:

— «Странник» — челноку... Вы проходите... багровую решетку... через пять секунд... Молитесь Звездам, чтобы их... [помехи]... автоматика приняла вас за метеорит!..

Удар.

Челнок трянуло с такой чудовищной силой, что ремни безопасности врезались Эйдену в грудь, выбив воздух из легких. Печать «Эгиды» обожгла кожу над сердцем ледяной вспышкой, отслеживая скачок давления. За стеклами фонаря вспыхнула ядовито-фиолетовая паутина — они пробили нижний эшелон оккупационной сети.

Температура за бортом резко пошла на спад. Оранжевое зарево раскаленного воздуха рассеялось, уступив место тяжелым, непроницаемо-свинцовым тучам.

— Тормозные парашюты — сброс! — скомандовала Кира.

Хлопок над головой дернул челнок назад, замедляя смертоносное падение. Тарик дернул рулевую колонку на себя, гася горизонтальный снос:

— Высота тысяча... восемьсот... триста... Посадочные опоры выпущены! Держаться!

Глухой, протяжный удар сотряс днище корабля. Челнок занесло юзом по каменистой насыпи, срезая мерзлый грунт и ломая обугленные стволы деревьев, прежде чем машина наконец замерла в глубокой седловине между двумя горными кряжами.

Двигатели смолкли. В отсеке повисла звенящая, неестественная тишина, нарушаемая лишь потрескиванием остывающего термостойкого сплава.

Тарик откинулся на спинку кресла, тяжело и прерывисто дыша. Его руки мелко дрожали на выключенной панели.

— Мы... мы живы. Клянусь светом Алари, мы не разбились.

— Рано праздновать, — Кира уже защелкивала боевой шлем, и ее лицо скрылось за непроницаемым темным щитком с узкой алой полосой сенсоров. — Проверить герметичность. Системы фильтрации на максимум. Мы не знаем, чем эти ублюдки травили атмосферу.

Эйден натянул шлем. Пневматические замки с шипением зафиксировали воротник. На внутреннем дисплее замигали строчки данных: уровень кислорода в норме, но концентрация тяжелых радиоактивных изотопов и неизвестных эфирных взвесей превышала земные стандарты в десятки раз.

Гидравлическая аппарель челнока с тяжелым стоном опустилась на грунт.

Эйден сделал первый шаг наружу.

Его нога в тяжелом тактическом ботинке погрузилась в слой серой, хлопьевидной субстанции. Это был не снег.

Это был пепел.

Он простирался вокруг насколько хватало глаз. Величественные, вечнозеленые леса Аппалачей, которые Эйден помнил по студенческим походам, превратились в частокол черных, обугленных скелетов деревьев. Небо над головой напоминало свод склепа — серое, выцветшее, без малейшего намека на солнце.

Но страшнее всего было другое.

Здесь не было ветра. Не было шелеста листвы, стрекота цикад, крика птиц или шума далекой автострады. Не было даже запаха озона или гари — фильтры брони отсекали все, но Эйден нутром чувствовал эту мертвую, стерильную пустоту. Земля не просто спала. Она была выпотрошена.

— Эйден, соберись, — глухой голос Киры в комлинке вернул его к реальности. Капитан уже спрыгнула на пепел, держа наготове карабин с гравитационным ускорителем. — Тарик, ты

остаешься в челноке. Врубай пассивный камуфляж, глуши реактор на девяносто процентов, но держи стартовые маховики прогретыми. Если что-то пойдет не так — забираешь нас на лету.

— Понял, кэп, — отозвался Тарик, переключая системы челнока в режим засады. — Сканеры молчат. Но мне здесь не нравится. Слишком тихо. Даже на рудниках в глубоком космосе так тихо не бывает.

— Не каркай, — отрезала Кира. — Эйден, вееди. Где этот чертов бункер?

Эйден сверился с наручным терминалом:

— Три сотни метров на северо-запад, за этой скальной грядой. Запасной командный узел связи NORAD. Построен еще в годы Холодной войны, вгрызен в гранит на сорок метров.

Они двинулись сквозь обугленный мертвый лес. Подошвы бесшумно сминали пепел. Эйден чувствовал, как каждый шаг отдается ноющей тяжестью в груди. Он вернулся на родную планету — но чувствовал себя археологом, раскапывающим чужую могилу.

Вход в бункер обнаружился в расщелине скалы. Тяжелые многотонные стальные двери толщиной в метр были вмяты внутрь, словно по ним ударил колоссальный гидравлический таран. Металл по краям разрыва оплавился странными, неестественными наплывами, похожими на застывшую черную смолу.

— Внутрь, — скомандовала Кира, первой ныряя в темноту пролома. Оружейный фонарь на ее стволе выхватил бетонные стены, покрытые паутиной трещин.

Внутри бункера царил хаос, но это был методичный, жуткий хаос.

Эйден ожидал увидеть следы яростного последнего боя: гильзы, кровь, тела защитников гарнизона. Но коридоры были пусты. Ни одного скелета. Никаких следов тел. Опрокинутые металлические столы, вырванные с мясом серверные стойки, разбитые экраны терминалов — и идеальная, вычищенная чистота там, где должны были лежать люди.

— Где гарнизон? — прошептал Эйден, водя лучом света по стенам. — Здесь должно было дежурить не менее полусотни офицеров и инженеров связи.

— Их не убили, — Кира наклонилась, проведя пальцем в перчатке по полу. Она посветила вниз. В слое пыли отчетливо виднелись сотни волочащихся следов обуви, ведущих к выходу, а поверх них — глубокие, трехпалые отпечатки тяжелой механической поступи. — Их разоружили, построили в колонны и вывели.

— Зачем? Как военнопленных?

— Авангард не берет военнопленных, Эйден, — жестко произнесла она. — Им не нужны рабы длястроек, у них для этого есть био-дроны. Им нужно сырье.

Они вышли в главный зал узла связи. В центре помещения, среди разбитых консолей, одиноко мигал тусклый красный диод на переносном земном радиопередатчике. Аварийный маяк 121.5 МГц.

Эйден бросился к терминалу. Пальцы в перчатках дрожали, когда он смахнул слой пепла с экрана резервной консоли.

— Питание на аварийных аккумуляторах еще есть... Логи уцелели!

Строки зеленого земного кода побежали по треснувшему монитору. Эйден вчитывался в них с жадностью умирающего от жажды:

[«ДЕНЬ 1. 04:15 UTC. Множественные гиперпространственные прорывы над всеми континентами. ПВО уничтожена за двенадцать минут...»]

[«ДЕНЬ 1. 05:00 UTC. Они глушат все частоты. Высадка тяжелых дронов...»]

[«ДЕНЬ 2. Они не бомбят города. Они выставляют кордоны. Сканируют население странными устройствами... Называют это Резонансным скринингом... Забирают людей целыми семьями, у которых фиксируют совпадения по крови...»]

Сердце Эйдена пропустило удар. Скрининг. Поиск сосудов.

Хлоя. Ее забрали не просто так. Ее забрали, потому что в их жилах текла кровь, способная принять...

— Эйден, стой, — внезапно напрягшимся голосом произнесла Кира. Она стояла у самого радиомаяка, освещая его лучом фонаря. — Не трогай консоль. Посмотри вниз.

Эйден опустил взгляд.

От земного армейского передатчика тянулся толстый, полупрозрачный кабель, явно чужеродного происхождения. Он уходил в черную металлическую призму, вживленную прямо в гранит пола. Призма слабо пульсировала багровым светом.

— Это не земная электроника, — тихо сказал Эйден, и ледяная волна осознания накрыла его с головой.

— Это ретранслятор Авангарда, — Кира вскинула оружие, ее голос зазвенел боевой тревогой. — Маяк не работал все эти месяцы. Его включили дистанционно. И он был настроен на активацию только тогда, когда зафиксирует запрос на военных частотах Конфедерации.

— Они не просто ждали, — прошептал Эйден, пятясь назад. — Они знали, что мы придем именно сюда. Знали наши протоколы поиска!

В этот момент эфир взорвался.

— КЭП! УХОДИТЕ! — отчаянный, срывающийся крик Тарика в наушниках заглушил треск помех. — ЭТО ЗАПАДНЯ! НАДО МНОЙ ТРОЕ... ОНИ ВЫШЛИ ИЗ НЕВИДИМОСТИ ПРЯМО В АТМОСФЕРЕ!..

Следом за криком кадета сквозь сорок метров гранита до них докатился тяжелый, сотрясающий гору гул. Взрыв.

— «Странник» — челноку! — сквозь чудовищный рев и вой аварийных сирен пробился голос Джарека с орбиты. — Нас обнаружили! Три тяжелых крейсера Авангарда вышли из маскировки на нашем векторе! Они глушат гравитационные щиты! Мы не можем принять вас на борт, фрегат разрывают на части! Мы уходим в экстренный прыжок, иначе нам конец!..

Связь с орбитой оборвалась сухим хлопком белого шума. «Ночной странник» ушел.

— Тарик, доложи статус! — закричала Кира, бросаясь к выходу из бункера.

— Челнок поврежден! Левый маневровый оторван! — сквозь грохот выстрелов кричал парень. — Они поливают поляну плазмой! Я не смогу сесть, меня размажут! Я иду к вам!..

— ОТСТАВИТЬ! — рявкнула Кира так, что у Эйдена заложило уши. — Тарик, запускай маршевый форсаж и уходи в верхние слои! Проваливай из сектора к точке эвакуации, это прямой приказ командира!

— Я не оставляю вас здесь! — со слезами в голосе выкрикнул Тарик. — Эйден!..

— УЛЕТАЙ, ТАРИК! — перехватил канал Эйден, выбегая вслед за Кирой в пролом. — Ты нужен нам живым! Если ты стоишь здесь, за нами некому будет вернуться! УХОДИ!

Над верхушками обугленных гор, взревев перегруженным реактором, в серое небо свечой взмыл силуэт их челнока. За ним, рассекая облака пепла, с чудовищной скоростью устремились два угловатых, хищных штурмовика Авангарда, поливая уходящий челнок очередями багровых сгустков. Челнок закрутило, осыпало искрами, но он пробил облачный слой и исчез в вышине, уводя преследователей за собой.

А затем наступила тишина.

Эйден и Кира стояли у входа в бункер. Отрезанные от космоса. Без корабля. Без связи. На мертвой, оккупированной планете в миллионах световых лет от дома.

С глухим, вибрирующим звуком небо над поляной искривилось.

Прямо из воздуха, сбрасывая мерцающую оптическую маскировку, в двадцати метрах от них опустился тяжелый десантный транспорт Авангарда — матово-черный, похожий на гигантского граненого жука.

Его люки разошлись в стороны. В серый пепел Земли ступили первые штурмовики.

Их было не меньше двух десятков. Высокие, закованные в матовую броню с острыми гранями, без лиц — вместо шлемов их головы венчали гладкие черные маски с горизонтальной

полосой пульсирующего фиолетового света. В руках они держали тяжелые винтовки с темпоральными компенсаторами.

Они не стреляли сразу. Они брали бункер в полукольцо, слаженно и методично, словно отрабатывали стандартный протокол захвата ценного образца.

Кира сделала шаг вперед, закрывая Эйдена собой.

С металлическим лязгом из ножен на ее бедре выскользнул темный клинок. На гранях лезвия мгновенно запылало яростное, багровое пламя Алари, разгоняя холодный полумрак и заставляя пепел под ее ногами тлеть и плавиться. Но ее второе крыло за спиной так и не раскрылось — лишь жалкие искры сорвались с покалеченного плеча.

— Значит, знали частоту, — прошипела она сквозь зубы. Ее пальцы сжались на рукояти меча. — У нас завелась крыса.

Эйден вскинул кинетический карабин, прижав приклад к плечу. Сердце в груди колотилось как безумное. Холодная печать «Эгиды» над ним жгла плоть, предупреждая: пять процентов. Одно неверное движение, один инстинктивный крик запертой внутри него души — и яд убьет его быстрее, чем пули врагов.

Штурмовики Авангарда синхронно вскинули оружие. Фиолетовые визоры сфокусировались на Эйдене.

Кольцо сжалось. Ловушка захлопнулась.

Глава 13 - Тени под земле

*Крылья ломаются не от тяжести неба, а от груза тех, кого мы
не сумели удержать*
<i>Из хроник Первого Корпуса Алари</i>

Фиолетовые вспышки вспороли серый полумрак с сухим, трескучим звуком, похожим на разрыв плотного шелка.

Оружие Авангарда не стреляло обычным свинцом или чистой плазмой. Их винтовки выплевывали сгустки искаженного пространства — темпоральные клинья, которые при попадании в камень не взрывались, а мгновенно превращали гранит в труху, стирая молекулярные связи за долю секунды.

— В укрытие! — рявкнула Кира.

Ее темный клинок описал полукруг, вспыхнув яростным багровым пламенем. Завеса перегретого звездного огня приняла на себя первый залп. Фиолетовые лучи с шипением увязли в плазме Алари, разлетаясь снопами ослепительных искр. Капитан рванула вперед — стремительная, смертоносная,двигающаяся на грани человеческого восприятия. Ее меч рассек воздух, и ближайший штурмовик Авангарда развалился надвое, даже не успев вскинуть ствол.

Эйден не стал прятаться. В его висках бешено стучала кровь.

Пять процентов.

Он не мог призвать тот ослепительный белый шторм, что спас их в Лабиринте — холодная печать на груди немедленно впрыснула бы яд. Но он мог приоткрыть заслонку. Совсем чуть-чуть.

Эйден глубоко вздохнул, и мир вокруг него резко изменился.

Зрение обострилось до предела. Время словно загустело, превратившись в вязкую смолу. Он видел микротрещины на масках нападавших, видел дульные вспышки за миллисекунду до выстрела, с абсолютной математической точностью просчитывал траектории движения врагов. В мышцах вспыхнула обжигающая легкость.

Выброс эфира: четыре целых две десятых процента.

Печать над сердцем отозвалась предупреждающим ледяным уколом, но Эйден проигнорировал боль.

Он вскинул кинетический карабин. Три выстрела — три сухих хлопка. Сверхплотные пули, усиленные мизерной долей его странной энергии, вошли точно в сочленения шейных пластин врагов, минуя тяжелые нагрудники. Трое штурмовиков рухнули в пепел.

Эйден сорвался с места. Его скорость была неестественной для человека: он скользнул под трассирующим лучом, на лету ударил ногой четвертого нападавшего. Удар, усиленный кинетическим импульсом, с хрустом вогнул композитную кирасу солдата Авангарда, отбросив стокилограммового бойца на три метра назад в скалу.

Но их было слишком много.

Сверху, сквозь разрывы в пепельных облаках, донесся тяжелый, пульсирующий гул. К поляне с ревом приближались еще два десантных челнока врага. Оптические визоры на склонах вспыхивали десятками новых фиолетовых огней.

— Их здесь целая рота! — крикнула Кира, парируя выпад виброкопья и снося голову противнику обратным взмахом клинка. — Они знали координаты посадки! Окружают!

— Назад в бункер! Быстро! — крикнул Эйден. Его математический ум за секунду оценил свод над главным входом.

Входная арка, пробитая еще в день первого штурма, держалась на двух массивных железобетонных пилонах, иссеченных глубокими трещинами. Конструкция была нестабильна — гранитная гора сверху давила сотнями тысяч тонн породы.

Кира единым слитным движением отсекла еще двоих нападавших и ласточкой метнулась вглубь тоннеля. Эйден влетел следом, сорвал с пояса две тяжелые кинетические гранаты и вогнал их прямо в основание треснувшего пилон.

— Кира, огонь по зарядам!

Капитан мгновенно поняла замысел. Не оборачиваясь, она вскинула левую руку: струя чистого, концентрированного пламени Алари ударила из ее ладони в заряды.

Грохот детонации слился с протяжным, стонущим скрежетом скалы.

Многотонные гранитные блоки рухнули вниз. Тонны камня, бетона и мерзлой земли обрушились в проем, намертво запечатывая вход в бункер колоссальной завальной пробкой. Взрывная волна толкнула их в спины, швырнув вперед по наклонному коридору, в темноту и густую, удушливую пыль.

Они спускались почти полчаса.

Глубоко под землю вели винтовые технические лестницы, шахты грузовых подъемников со срезанными тросами и бесконечные темные переходы. На сороковом метре глубины звуки внешнего мира окончательно заглохли.

Здесь не было оккупационной сети, не было пепла. Царила первозданная, подземная тишина заброшенного человеческого бункера. Воздух был затхлым, холодным, пахнущим ржавым железом и сухой побелкой.

Они вышли в нижний сектор — аварийный медицинский блок, отделенный тяжелой гермодверью. Эйден заблокировал ее ручным гидравлическим ригелем.

Кира тяжело опустилась на металлический ящик, прислонившись затылком к бетонной стене. Ее дыхание со свистом вырывалось сквозь решетку шлема. Она со щелчком расстегнула крепления и сняла шлем, с облегчением встряхнув мокрыми от пота багровыми волосами.

Ее лицо было бледным. На левом предплечье серый комбез обуглился — темпоральный луч штурмовика скользнул по касательной, содрав верхний слой брони и оставив уродливый, сочащийся кровью ожог с почерневшими краями.

— Ты ранена, — Эйден подошел ближе, сбрасывая свой шлем.

— Ерунда. Царапина, — процедила Кира сквозь зубы, но когда Эйден осторожно коснулся края раны, она невольно вздрогнула.

— Не двигайся. Орин сунул мне в подсумок полевой био-гель.

Эйден опустился на колено рядом с ней, вскрывая пластиковый тюбик. Прозрачная зеленая мазь Эриан мгновенно зашипела на ране, стягивая разорванные сосуды и снимая воспаление. Кира сжала зубы, пережидая острую вспышку боли, но не издала ни звука.

Эйден забинтовал руку эластичной лентой и сел на пол напротив нее, прислонившись спиной к стеллажу с медикаментами. Холодный металл печати на его груди постепенно остывал, возвращаясь к фоновому покалыванию.

Несколько минут они молчали. В тишине бункера мерно капала вода из лопнувшей трубы в углу.

— Они ждали нас, — негромко произнес Эйден, глядя на свои руки в тактических перчатках. — Сигнал маяка. Позиция челноков. Джарека на орбите встретили прямо на векторе выхода. Кто-то передал им точные параметры нашей миссии.

— В Совете или в штабе Корпуса завелся тот, кто продает нас с потрохами, — глухо отозвалась Кира. В ее глазах тлели угли сдерживаемой ярости. — Только высшие чины знали маршрут «Ночного странника».

Она перевела взгляд на Эйдена:

— Ты неплохо держался наверху. Для парня, который еще месяц назад не держал в руках боевого оружия. Ты двигался быстрее, чем должен был.

— Четыре целых две десятых процента, — сухо ответил он. — Я считал каждый импульс. Печать чуть не прожгла мне ребра, но это сработало. Мозг словно превращается в суперкомпьютер... но тело едва выдерживает нагрузку.

Эйден замолчал, уставившись в темный угол отсека.

— Знаешь... когда я отправлял тот сигнал с марсианской станции... я думал, что спасаю нас. Человечество так долго искало братьев по разуму. Я ночами сидел у радиотелескопов, слушал белый шум космоса и мечтал однажды услышать ответ.

Он сжал кулаки так, что заскрипела ткань перчаток.

— А в итоге я своими руками открыл дверь палачам. Шестьдесят минут, Кира. Ровно столько потребовалось, чтобы уничтожить цивилизацию, которую мы строили тысячи лет. И все, о чем я думал на том мосту, когда начался обстрел — это как добежать до Хлои. Заслонить ее. Я обещал родителям, что с ней ничего не случится. Они умерли во время эпидемии, когда ей было всего десять. Я был для нее всем. А теперь... я даже не знаю, закопали ее в этом пепле или сожгли в их печах.

Кира молча смотрела на него. В полумраке заброшенного бункера ее резкие, хищные черты лица смягчились. Впервые с момента их встречи в ее взгляде не было оценивающего холода офицера.

— Она жива, — тихо сказала Кира.

Эйден резко поднял голову:

— Откуда тебе знать?

— Потому что я верю, — Кира повернула голову, глядя куда-то сквозь бетонную стену. — Мой отец был адмиралом Третьего экспедиционного флота Алари. Великий воин. Человек, который учил меня держать клинок раньше, чем я научилась читать. Пятьдесят лет назад Высший Совет отправил его флот на Приграничье — масштабная миротворческая миссия по зачистке пиратских секторов и защите колоний.

Ее голос стал глухим, безжизненным:

— Шестьдесят тяжелых линкоров. Двести тысяч лучших солдат Алари. Они вошли в нейтральный сектор... и просто растворились. Ни сигналов бедствия, ни обломков, ни единого спасательного челнока. Ничего. Власти объявили их погибшими в пространственной аномалии. Закрыли дело. Засекретили архивы. Но я знала отца. Он не погиб бы в обычной гравитационной воронке.

Она провела пальцами по левому плечу — туда, где под броней скрывался уродливый шрам у основания лопатки:

— Я пошла в армию, чтобы найти его. Дралась как зверь на передовой. Когда во мне пробудилась сила Валькирии и за спиной раскрылись два плазменных крыла, меня забрали в спецкорпус. Лучшие из лучших. Нас бросали в самые гиблые дыры.

— Что случилось с твоим крылом? — осторожно спросил Эйден.

Кира горько усмехнулась:

— Нас отправили на дальнюю колонию у самой границы Темного Сектора. На поселение напали твари, похожие на тех, что были в Лабиринте. Командование группы — трусливые аристократы из Эхонов — испугалось за свои шкуры. Они приказали начать орбитальную бомбардировку сектора, чтобы уничтожить гнездо, наплевав на то, что на посадочных площадках оставалось три транспортника с ранеными и гражданскими.

Ее глаза опасно вспыхнули:

— Я нарушила приказ. Спустилась вниз. Мой отряд держал периметр, пока транспорты заводили движки. Они ударили тяжелой артиллерией искажения прямо по челнокам. Я закрыла взлетающий транспорт собой, развернув оба крыла на полную мощность. Но чтобы сдержать такой удар, нужно Ядро стратегического уровня. Мои каналы не выдержали. Эфир в

левом крыле закипел, обратившись против меня самой. Крыло буквально оторвало на духовном уровне, выжгло каналы до самого основания позвоночника.

Она замолчала, переводя дыхание:

— Транспорт ушел. Гражданские выжили. А меня лишили статуса Валькирии за неподчинение приказу, замяли скандал и сослали в регулярный Корпус командиром десантников. Так что я знаю, каково это — терять семью и оставаться калекой среди тех, кто считает тебя просто расходным материалом.

Эйден смотрел на нее, чувствуя, как невидимая стена между ними окончательно рухнула. Они оба были обломками чужих войн. Одинокими, сломанными, но отказывающимися сдаваться.

— Мы найдем их, — твердо сказал Эйден. — Твоего отца. И мою сестру.

Кира посмотрела ему в глаза и едва заметно, уголком губ, улыбнулась:

— Сначала нужно выбраться из этого склепа, кадет. Пошли. Здесь рядом должен быть центральный узел архива.

Серверная командного бункера чудом уцелела под десятиметровым слоем гранита.

Эйден подошел к главному терминалу. Пальцы быстро забегали по физической клавиатуре, взламывая протоколы безопасности земных военных сетей. На старом ламповом мониторе замигали строчки каталогов.

— Автономные архивы не пострадали, — напряженно произнес Эйден. — Перед тем как Авангард заблокировал связь, спутниковые системы успели сбросить сюда сводные списки эвакуационных центров и данные скрининга врага.

Он открыл глобальную базу данных перемещенных лиц.

Тысячи имен. Миллионы. Целые города, превращенные в сухие строки цифрового отчета. Но напротив имен стояли странные маркеры.

[Смит, Джон. Статус: Ликвидирован. Причина: Отрицательный резонанс].

[Чэнь, Ли. Статус: Ликвидирован. Причина: Отрицательный резонанс].

— Они уничтожали тех, кто не подходил под их параметры, — с ужасом поняла Кира, читая через его плечо. — Скрининг шел по биологической совместимости с эфиром.

Пальцы Эйдена замерли над клавишами. Он вбил в строку поиска свою фамилию.

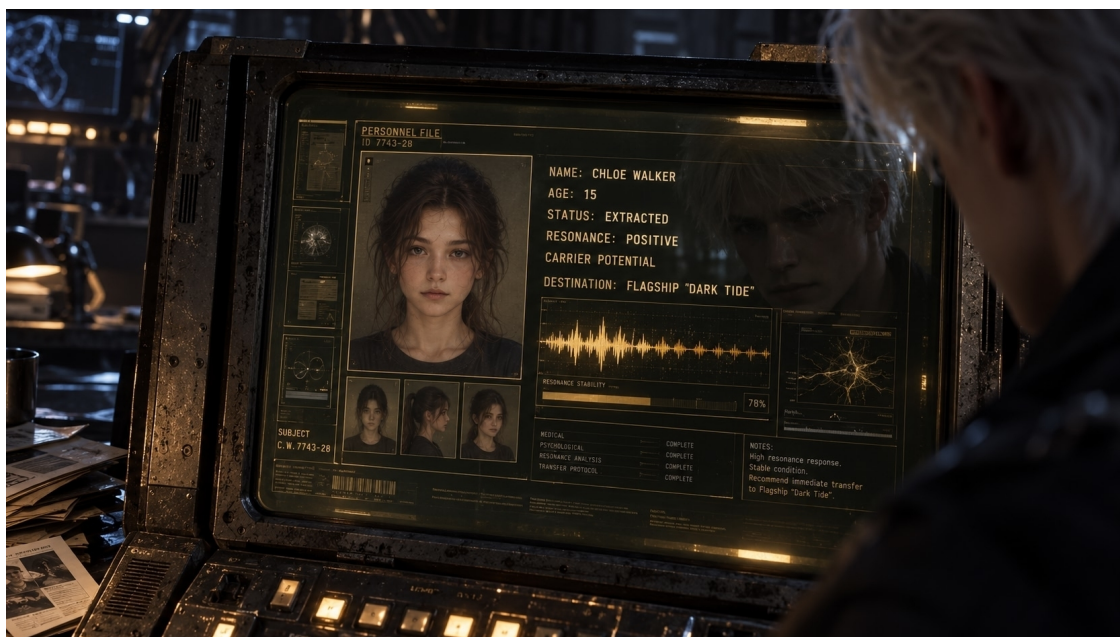
На экране высветились две записи.

Первая:

[УОКЕР, ЭЙДЕН. 24 ГОДА. СТАТУС: ИЗВЛЕЧЕН. ОСОБЫЙ ПРИОРИТЕТ. АНОМАЛИЯ ВЫСШЕГО РЕЗОНАНСА. ОБЪЕКТ НАПРАВЛЕН В СЕКТОР СТАБИЛИЗАЦИИ].

— Это произошло еще на Земле, во время первых минут штурма, — прошептал Эйден, чувствуя, как мороз продирает кожу. — Мой сигнал открыл им дверь... но стоило им войти в атмосферу, как их сканеры засекли нас. На том мосту... меня расстреляли не случайно. Они уже знали результаты скрининга. Они сразу забрали меня в ту лабораторию, потому что моё тело подошло для их чудовищного эксперимента...

Он перевел взгляд на вторую строку. Сердце замерло, перестав биться.

[УОКЕР, ХЛОЯ. 15 ЛЕТ. СТАТУС: ИЗВЛЕЧЕНА. ПОЛОЖИТЕЛЬНЫЙ РЕЗОНАНС. ПОТЕНЦИАЛЬНЫЙ НОСИТЕЛЬ. НАПРАВЛЕНА: ФЛАГМАН ТЕМНЫЙ ПРИЛИВ. СЕКТОР НАЗНАЧЕНИЯ: ЗАСЕКРЕЧЕНО].

Эйден шумно, прерывисто выдохнул, уткнувшись лбом в край металлической панели. Его плечи мелко дрожали.

Она была жива.

Ее не разорвало на мосту. Ее забрали в глубокий космос. — Она жива, Кира, — его голос сорвался, но в нем больше не было растерянности или страха. В нем звенела сталь. — Они увезли ее к своим основным силам.

— Значит, мы вытащим ее оттуда, — спокойно и уверенно произнесла Кира, положив руку ему на плечо. — Клянусь честью Алари.

В этот момент глухой, вибрирующий удар потряс своды бункера.

С потолка посыпалась бетонная крошка. Следом раздался протяжный, визгливый скрежет: прямо над ними, сквозь завал и сорок метров гранита, пробивалось что-то тяжелое. Тяжелые плазменные буры Авангарда методично вгрызались в камень, прожигая породу.

Замигала красная лампа аварийной тревоги.

— Они не стали тратить время на расчистку входа, — Кира надела шлем, и ее клинок снова вспыхнул яростным алым огнем. — Они бурят потолок прямо над нашей головой. До прорыва меньше десяти минут.

Эйден выпрямился. Он выдернул из терминала кристалл памяти со списками и спрятал его в подсумок брони.

Времени не оставалось. Обычным оружием против целой армии им было не выстоять.

Эйден медленно поднял глаза на Киру. Его взгляд упал на ее пояс — туда, где лежал пульт управления печатью на его груди.

— Кира, — тихо произнес он. — Нам не выбраться отсюда на пяти процентах.

Глава 14 - Цена свободы

Доверие — самое опасное оружие на войне. Вручая кому-то свой поводок, ты отдаешь не просто жизнь. Ты даешь ему право решить, кем ты умрешь — оружием или человеком

Записи неизвестного офицера Корпуса

Гранитный свод над их головами застонал, словно живое существо, которому переламывали хребет.

С потолка с гулким грохотом рухнула первая многотонная бетонная плита, разнеся в щепки ряд металлических шкафов с документами. Воздух в серверной мгновенно наполнился удушливой серой взвесью цементной пыли. Сквозь трещины в потолке хлынул нестерпимо яркий, фиолетовый свет — плазменные резчики Авангарда методично, слой за слоем, испаряли скальную породу.

— Детонаторы на перемычках активированы, — сквозь вой буров донесся синтетический, механический скрежет чужих радиопередатчиков прямо над их головами.

— Проникновение через сорок секунд. Живой образец брать целым. Женщину-офицера ликвидировать при сопротивлении.

Кира перехватила рукоять своего клинка обеими руками. Багровое пламя Алари взметнулось вдоль лезвия, отбрасывая яростные, кровавые тени на потрескавшиеся стены. Ее единственное плазменное крыло за правым плечом расправилось, гудя от перегрузки, осыпая бетон искрами. Но левое плечо оставалось мертвым, немым шрамом.

Она приготовилась принять бой. Один клинок. Одно крыло. Против штурмового батальона, вооруженного оружием искажения.

— Кира, стой, — голос Эйдена прозвучал пугающе спокойно среди нарастающего грохота катастрофы.

Капитан не обернулась, ее взгляд был прикован к прогибающемуся потолку:

— Отойди к дальней стене, Эйден! Заблокируй за собой переборку архива! Если я смогу задержать их в проломе хотя бы на минуту...

— Ты не удержишь их на минуту, — он шагнул вперед, встав между ней и зоной прорыва. — И я не стану прятаться за твоей спиной в железной коробке. Нас обоих убьют. Или, что еще хуже, меня затащат на их корабль, а тебя бросят гнить в этом склепе.

Эйден медленно поднял руку и положил ладонь себе на грудь — прямо на холодный металлический диск Печати «Эгиды».

— Сними ее.

Кира замерла. Огонь на ее клинке на мгновение дрогнул, обнажив темный металл лезвия. Она медленно повернула голову, глядя на него сквозь узкую щель сенсорного щитка шлема.

— Ты с ума сошел? — ее голос сорвался на хриплый шепот. — Это смертный приговор нам обоим! Если я сниму блокиратор, «Эгида» объявит меня государственной изменницей на всех терминалах Конфедерации! Но это даже не главное. Твое тело, Эйден! Ты землянин! У тебя нет каналов! Ты помнишь, что произошло в Лабиринте, когда ты открыл силу всего на несколько секунд? Твои вены горели! Если тыпустишь всё... эта сила просто испепелит тебя изнутри! Ты сгоришь за мгновение!

— А здесь мы сдохнем через тридцать секунд! — выкрикнул Эйден, и в его серых глазах впервые блеснула яростная, отчаянная белизна. — Кира, посмотри на меня! Я устал быть

жертвой! Устал смотреть, как чужие боги решают, кому из нас жить, а кому гореть в пепле! Ты нарушила приказ Совета на той колонии, чтобы спасти жизни чужих тебе людей. Ты отдала свое крыло за то, во что верила!

Он подошел вплотную. Его дыхание сбивалось, но взгляд был тверд, как гранит этой проклятой горы.

— Так поверь в меня сейчас. Не как командир в нестабильное оружие. А как товарищ. Позволь мне сражаться за нас.

Потолок над ними взорвался.

Колоссальный взрыв вышиб центральную часть свода. Вниз обрушился водопад раскаленного щебня, арматуры и клубящейся фиолетовой пыли. Сквозь пролом, используя гравитационные ранцы, посыпались штурмовики Авангарда. Десять. Пятнадцать. Двадцать черных силуэтов с безликими масками.

Три секунды до залпа.

Кира смотрела в глаза Эйдена. В них не было безумия или жажды разрушения. В них была та же нестигаемая, первобытная воля защищать, которая двенадцать лет назад заставила ее саму встать между гибнущими транспортами и вражеской артиллерией.

— Да будь проклят этот Совет... — выдохнула она.

Ее рука молниеносно скользнула к поясному подсумку.

Она выхватила плоский металлический пульт с гербом «Эгиды». Никаких колебаний. Большой палец Киры в бронированной перчатке с силой вдавил тяжелую аварийную клавишу сброса и повернул механический ключ допуска.

ЩЕЛК.

В ту же микросекунду холодный диск на груди Эйдена издал протяжный, затухающий электронный свист. Замки импланта, удерживавшие его на плоти, с шипением пневматики разжались. Металлическая шайба отлипла от кожи и со звоном упала на усыпанный пылью бетон.

Наступила тишина. Абсолютная, неестественная тишина, в которой звук падающих камней словно растворился.

Штурмовики Авангарда в проломе вскинули свои темпоральные винтовки. Воздух зазвенел от накачки орудий.

А затем Эйден закрыл глаза... и сделал вдох.

То, что дремало внутри него — запертое, сдавленное цепями ментального блока Илана и технологиями Архонта — вырвалось на свободу.

Это не было огнем Алари. Не было тяжестью Эхонов или ростом Эриан.

Это был Свет.

Первозданный, чистый, ослепительный белый спектр разорвал полумрак бункера. Ударная волна эфира разошлась от Эйдена концентрическим кольцом колоссальной мощности.

Вся электроника в радиусе километра мгновенно выгорела. Залп темпоральных винтовок Авангарда, сорвавшийся со стволов, просто не долетел до цели: встретившись с волной белого сияния, фиолетовые лучи искажения начали стремительно стареть, распадаясь в воздухе на безобидные серые квантовые хлопья, словно прошли через миллионы лет за долю секунды.

— Ч-что это?.. — раздался в наступившем безмолвии сдавленный голос командира штурмовиков. Его визор судорожно мигал, перегруженный показаниями плотности энергии.

Эйден открыл глаза.

В них больше не было зрачков или радужки — только две пульсирующие бездны сияющего белого пламени. Его короткие волосы, поседевшие еще в Лабиринте, вспыхнули снежной белизной, встав дыбом от колоссального статического напряжения. Сквозь черную тактическую броню на его шее и руках проступили искусственные каналы: вены под кожей налились ярким молочным светом, буквально прорезая себе путь сквозь живую плоть.

Боль была чудовищной. Эйден чувствовал, как его человеческие нервы плавятся, словно медные провода под ударом молнии. Из носа хлынула темная кровь, мгновенно испаряясь в белом ореоле вокруг лица.

Но его разум был кристально, смертоносно чист.

Он сделал шаг вперед.

Пространство под его подошвой сжалось. Расстояние между ним и штурмовиками перестало существовать. Он не побежал — он просто оказался среди них.

Эйден взмахнул рукой.

Никакого оружия. Просто жест голой ладони.

Волна чистой энтропии ударила в передовой отряд врага. Тяжелая броня Авангарда — сплавы, выдерживавшие взрывы плазменных торпед — на глазах начала терять молекулярную структуру. Металл покрывался вековой ржавчиной, тускнел, крошился и осыпался серым прахом прямо на лету. Шестеро элитных бойцов превратились в горстки пепла раньше, чем успели осознать собственную гибель.

Сверху, сквозь колоссальную дыру в горе, послышался рев двигателей.

Над проломом завис тяжелый штурмовой фрегат Авангарда. Его курсовые орудия разворачивались прямо в жерло кратера, готовые превратить бункер в стеклянную воронку. Багровая сеть в небе над Землей пульсировала, стягивая тысячи перехватчиков к точке аномального выброса.

Они были окружены целой планетарной группировкой. Выхода на орбиту не существовало.

«Мы не уйдем на челноке. Воздух мертв», — пронеслось в перегруженном сознании Эйдена. Каждая клетка его тела кричала от боли Закона Перегрузки. Сосуды в глазах полопались, окрашивая сияющий белый мир в кровавые тона. Еще несколько секунд — и его тело аннигилирует, распадется на атомы под весом этой древней, чужой силы.

Он резко развернулся к Кире.

Капитан стояла, опутив меч, застыв в шоке и благоговейном ужасе. В ее глазах читалось то же потрясение, что и у нападавших: она видела перед собой не человека и не мага Конфедерации. Она видела силу, которой во Вселенной не должно было существовать.

— Кира! — хриплый, неестественно резонирующий голос Эйдена разнесся под сводами, заставив вибрировать бетон. — ДЕРЖИСЬ ЗА МЕНЯ!

Она не стала задавать вопросов. Солдатский инстинкт сработал быстрее страха. Кира сделала рывок вперед и мертвой хваткой вцепилась в ремни его нагрудника, прижавшись к нему всем телом.

Эйден вскинул обе руки к небу — навстречу разверзающимся жерлам орудий зависшего над ними крейсера.

Он больше не сдерживал поток. Он позволил чужой памяти, чужому аспекту выжечь остатки контроля.

Он не искал червоточину. Он не рассчитывал гравитационные векторы, как учил Джарек.

Эйден мысленно схватил само полотно реальности — ткань пространства и времени, разделявшую сектора Вселенной — и сжал ее в кулаках, с силой потянув на себя.

Законы физики лопнули.

Мир вокруг них треснул, как перекаленное стекло. Звук выстрела тяжелого орудия крейсера захлебнулся в оглушительном беззвучном хлопке.

Белый свет вспыхнул с такой невыносимой, ослепляющей силой, что на секунду затмил серые облака над половиной североамериканского континента.

А в следующую долю секунды бункер опустел. В образовавшемся кратере не осталось ничего, кроме оплавленного гранита и оседающего серого пепла.

Падение было жестким.

Эйден и Кира вывалились из разрыва в воздухе на высоте двух метров и кубарем покатились по чужой, незнакомой земле.

Удар вышиб остатки духа. Белое пламя внутри Эйдена мгновенно погасло, словно задутая свеча, оставив после себя лишь ледяную, пожирающую пустоту и всепоглощающую слабость.

Он лежал на спине, не в силах пошевелить даже пальцем. Горло раздирали кашель; подбородок текла темная, почти черная от свернувшегося эфира кровь. Внутренности горели, словно в них плеснули кислоты. Чудовищная цена Закона Перегрузки настигла его в полной мере: тело отказывало, сознание стремительно угасало, погружаясь в спасительный обморок.

Рядом тяжело, надсадно закашлялась Кира. Она со стоном приподнялась на одном локте, срывая поврежденный шлем.

Ее лицо было перепачкано копотью, глаза лихорадочно блестели. Она подползла к Эйдену, трясущимися руками схватила его за воротник брони и прижала два пальца к сонной артерии на его шее.

Пульс был нитевидным, аритмичным, еле ощутимым. Но он был.

— Живой... — прошептала она, и в ее голосе прозвучало нечто среднее между рыданием и нервным смехом. — Ты жив, безумец...

Кира медленно подняла голову и впервые осмотрелась.

Здесь не было пепла Земли. Не было мертвого серого неба и багровой оккупационной сети.

Вокруг них вздымались исполинские, кристаллические деревья неизвестного фиолетово-синего оттенка, тихо звенящие под порывами теплого, влажного ветра. Воздух пах незнакомыми пряными травами, озоном и дикой, первобытной сыростью.

А высоко над головой, рассекая незнакомые туманности, в черном бархате чужого неба сияли три изумрудно-зеленые луны.

Они были живы. Но они были бесконечно далеко от дома.

Кира опустилась на траву рядом с потерявшим сознание Эйденom, достала из аварийного комплекта портативный военный маяк Конфедерации и с щелчком перевела его в режим узко-направленного сигнала бедствия.

Маленький диод на маяке замигал тусклым оранжевым светом, посылая крошечный импульс надежды в бескрайнюю пустоту неизведанного космоса.

Глава 15 - Расколота душа

Боги не умирают тихо. Когда рушатся их троны, обломки величия веками режут души смертных, дерзнувших подойти слишком близко к пеплу

Из апокрифов Забытой Эпохи

Здесь не было звуков. Не было запаха гари, не было стонов раненого тела и свиста ветра чужой планеты.

Эйден стоял посреди бесконечной, мертвенно-белой равнины.

Под ногами простирался не песок и не снег. Это был холодный, тончайший пепел, не оставлявший следов. Над головой клубилось абсолютно черное, лишенное звезд небо — пустота такой глубины, от которой кружилась голова. А прямо перед ним, вздымаясь на километры ввысь и упираясь кроной в бездну, высился исполинский древесный остов.

Белое Древо.

Оно было расколото надвое, словно в него ударила молния колоссальной мощи. Окаменевшая кора сочилась застывшими каплями молочного, фосфоресцирующего света. Листьев не было. Лишь голые, изувеченные ветви, похожие на молящие о пощаде руки.

Эйден опустил взгляд на свои ладони. Они были полупрозрачными. Сквозь бледную кожу просвечивали кости, охваченные едва заметным белым маревом.

— Я умер? — сорвался с губ несмелый шепот.

— Смерть была бы для тебя слишком легким избавлением, червь.

Голос не донесся из воздуха — он прозвучал прямо внутри его черепа, заставив несуществующие барабанные перепонки завибрировать от колоссального, подавляющего давления.

Пепел у подножия расколотого дерева закружился вихрем. Из белой метели медленно, шаг за шагом, выступила фигура.

Эйден невольно отступил на шаг, чувствуя, как первобытный, сковывающий ужас сжимает несуществующее сердце.

Перед ним стояла женщина. Она казалась сотканной из чистого, холодного света угасших звезд. Высокая, в длинных, струящихся белых одеяниях, изорванных и покрытых следами вековой копоти. Ее лицо, поразительно правильное и прекрасное, не знало возраста, но было застывшим, словно высеченным из мрамора. На тонких висках покоился венец из зазубренных кристаллов замерзшего света, а волосы — цвета первозданного серебра — струились до самых колен.

Но страшнее всего были ее глаза. В них не было зрачков — только две пылающие трещины в ткани мироздания, полные безграничной, яростной боли и ледяного величия.

— Кто ты?.. — выдохнул Эйден.

Женщина приблизилась. Каждый ее шаг отдавался в сознании Эйдена звоном разбитого хрусталика. Она окинула его презрительным, уничижительным взглядом — так смотрят на плесень, случайно проросшую на драгоценном шелке.

— Смертный сор. Хрупкий кусок плоти без единого истинного канала, — ее голос сочился ядом и глубочайшей горечью. — Ты посмел коснуться пламени, от которого рушились галактики. Ты вырвал силу, способную стирать горизонты событий, и осквернил ее своими ничтожными, животными страхами. Ты спрашиваешь, кто я? Я — Селеста. Королева того мира, чей прах ты сейчас топчешь своими слепыми ногами.

Она сделала еще шаг, и пространство вокруг них сжалось. Эйден рухнул на колени под невыносимой тяжестью ее присутствия. Пепел вокруг его тела взметнулся, словно закипающая вода.

— Селеста... — простонал он, сжимая виски. Разум плавился. — Королева?..

— Последняя, — отрезала она, и в ее глазах на мгновение плеснула такая черная, бездонная скорбь, что у Эйдена перехватило дыхание. — Мой народ предан. Мой трон обращен в пыль. Мое тело рассеяно по пустоте. Но даже в небытии я не знала большего позора, чем оказаться запертой в сосуде... земного червя.

Она протянула к нему тонкую, сияющую руку с длинными пальцами.

— Твое тело не принадлежит тебе, смертный. Оно не способно удержать мой гнев. Твои нервы уже сгорают, твой мозг закипает. Уйди во тьму. Отдай мне оболочку. Я соберу воедино осколки своей плоти и заставлю предателей захлебнуться собственной кровью.

Давление стало абсолютным. Эйден почувствовал, как его сознание трещит по швам. Селеста не просила — она брала свое по праву древней силы. Его «я», его память, лицо сестры, Земля, детские воспоминания — все начало блекнуть, стираться, уступая место безбрежному океану ее вековой ярости.

«Уйди во тьму... сдавайся...» — звучало набатом.

Но в этой агонии, на самом дне умирающего сознания, что-то вскипело.

Не звездный эфир. Не магия древних.

Обычная, упрямая, яростная человеческая злость.

— Пошла... вон, — прохрипел Эйден, поднимая голову.

Селеста замерла. Ее пальцы дрогнули.

Эйден с чудовищным усилием оторвал ладони от пепла и, шатаясь, преодолевая давление божественной воли, поднялся на ноги. Его полупрозрачная грудь вздымалась. В серых глазах, вопреки ее силе, вспыхнуло упрямое земное пламя.

— Ты думаешь, ты одна потеряла всё?! — крикнул он ей в лицо, и его голос эхом прокатился под мертвыми ветвями Белого Древа. — Мой дом сожгли за шестьдесят минут! Моих людей превратили в пепел! Мою сестру угнали в глубины космоса, как скот! Я сам нажал кнопку, которая уничтожила мой мир! Ты спишь здесь тысячелетиями, жалея себя и купаясь в своем мертвом величии, а я... я зубами буду цепляться за каждый вздох!

Он сделал шаг к сияющей Королеве. Пространство задрожало.

— Ты не получишь мое тело. И ты не убьешь меня, Селеста. Потому что пока я дышу, у нас обоих есть шанс вернуть тех, кого мы потеряли. Ты презираешь мою плоть? Так укрепи ее! Или мы сгорим здесь прямо сейчас — вместе!

Королева смотрела на него. Впервые за вечность на ее холодном, царственном лице проступило нечто, похожее на ошеломление. Она привыкла к поклонению богов и ужасу титанов, но перед ней стоял смертный мальчишка — разбитый, изувеченный, стоящий на самом краю гибели, — который смотрел на нее без тени страха.

— Дерзкий... безумец, — прошептала она.

А затем ткань белого мира треснула от оглушительного внешнего грохота.

В реальном мире воздух был тяжелым, влажным и пах гнилью.

Кира брела по колено в иистой, фосфоресцирующей жиже, таща Эйдена на своей спине. Ее правая рука намертво вцепилась в ремни его нагрудника, а левая — сжимала рукоять темного клинка, опущенного острием вниз.

Она была на исходе сил. Ожог на руке, полученный на Земле, почернел и воспалился, пульсируя тупой, рвущей болью. Ее искалеченное правое плечо, где когда-то было крыло, ныло так, словно туда вогнали раскаленный крюк.

Но хуже всего было состояние Эйдена.

Он был в глубокой, смертоносной лихорадке. Закон Перегрузки пожирал его изнутри. Его кожа на лице и шее потрескалась, напоминая высохшую солончаковую пустыню, и сквозь эти микротрещины сочилась не кровь, а густая, сияющая белая лимфа, мгновенно застывающая на воздухе мелкими кристаллами.

Тело парня периодически сводило страшными судорогами. В эти моменты он запрокидывал голову, его невидящие глаза заливал слепящий свет, а из пересохшего горла рвался чужой, полифонический голос — женский, звенящий древней сталью:

— Предатели... Где древо?.. Кровь за кровь!..

— Заткнись, Эйден, дыши, ради звезд, просто дыши... — хрипела Кира, стискивая зубы до треска эмали. Ее сапоги вязли в корнях фиолетовых кристаллических деревьев. — Я не для того тащу твою задницу, чтобы ты сдох в этом вонючем болоте!

Впереди, сквозь густые заросли светящихся лоз, наконец забрезжил свет.

Но это не было спасением.

Кира замерла на краю огромного, уходящего вниз скального кратера.

На дне котловины, окруженное ржавыми заборами из обрезков бронелистов и колючей проволоки, раскинулось поселение. «Ржавая Глотка». Воздух над ним дрожал от ядовито-желтого смога дешевых дизельных генераторов. Повсюду высились остовы разбитых грузовых

кораблей, превращенные в бараки, а над центральным ангаром покачивались на цепях клетки с полуразложившимися останками.

Приграничье. Логово падальщиков, работорговцев и дезертиров.

Кира сделала шаг вперед, собираясь обойти периметр и найти подпольного лекаря, но было поздно.

С тихим металлическим щелчком из темноты кристалльных зарослей вспыхнули сразу шесть мощных галогеновых прожекторов.

Белый свет ударил Кире прямо в лицо, ослепляя.

— Стоять, добыча! — проскрежетал искаженный вокодером голос. — Оружие в грязь, лапы за голову!

Из засады высыпали семеро. Это не были дисциплинированные штурмовики Авангарда — перед ней стояли отбросы космоса. Громили в самодельной композитной броне, с уродливыми, нелегальными кибернетическими аугментациями вместо конечностей, вооруженные тяжелыми дробовиками и вибромачете.

Впереди выступал верзила с бледной, татуированной головой и бионическим глазом, мерцающим гнилостным красным светом.

— Опачки... — осклабился он, обнажая железные зубы. — Гляньте-ка, парни, кого к нам прибило. Птичка из Корпуса. Офицерик Алари.

Бандиты заржали, беря ее в полукольцо.

— Мне нужен врач, — тяжело дыша, произнесла Кира. Ее голос был хриплым, но в нем звенела офицерская сталь. — У меня есть данные и ресурсы. Пропустите нас.

— Врач? — верзила опустил взгляд на Эйдена, которого Кира бережно опустила на колени позади себя.

Глаз киборга расширился.

Даже сквозь грязь и брезент было видно, как сквозь кожу парня пробивается чистое, неземное сияние. Белые кристаллы на его щеках мерцали, как россыпь неограниченных алмазов. Воздух вокруг него вибрировал от чистейшего эфирного фона.

— Святое дерьмо... — выдохнул один из бандитов, отводя ствол. — Хорт, ты чувствуешь этот фон? Это же не огонь и не гравитация... Это чистый концентрат! За такую тушу синдикат на черном рынке отвалит столько кредитов, что мы сможем купить собственный крейсер!

— Заткнись, — рыкнул Хорт, его бионический глаз зажужжал, фокусируясь. Затем он перевел взгляд на левое бедро Киры. — А меч-то... Звездный темный металл. Настоящая офицерская ковка Валькирий. Корвус за такую цапку отдаст полбазы.

Хорт осклабился:

— Сделка простая, офицерик. Пацана и клинок — сюда. А тебя, может быть, пристроим на пару недель в Яму. Если выживешь — дадим пайку.

— Попробуй взять, падаль, — прошипела Кира.

Ее клинок взметнулся вверх. Багровое пламя Алари с яростным ревом вспыхнуло на лезвии, разгоняя тьму. Кира сделала выпад — стремительный, идеальный, рожденный годами тренировок.

Но тело предало ее.

От резкого движения разорванные каналы в покалеченном плече отозвались ослепляющей вспышкой агонии. Огонь на клинке задрожал и погас. Меч рассек лишь воздух.

— Слаба, птичка! — захохотал Хорт.

Сбоку щелкнул выстрел. Тяжелая гравитационная сеть ударила Киру в грудь, сбивая с ног и вдавливая в грязь. Прежде чем она успела вырваться, двое амбалов прыгнули сверху, заламывая ее раненую руку за спину. Тяжелый кованый сапог опустился ей на горло, перекрывая кислород.

Третий бандит с силой ударил металлическим прикладом по запястью Киры. Пальцы разжались.

Темный клинок — последнее, что связывало ее с отцом, символ ее чести и гордости — со звоном упал в болотную жижу.

Хорт с благоговением поднял меч за рукоять, взвесил на руке и довольно осклабился:

— Корвус будет в восторге.

— Не... трогайте... его... — хрипела Кира сквозь сапог на горле, отчаянно извиваясь под весом трех здоровых наемников. Из разбитой губы текла кровь, заливая подбородок. — Твари... Не смейте!..

Хорт подошел к лежащему без сознания Эйдену. Грубо схватив парня за белые волосы, он вздернул его голову. Эйден даже не застонал — его тело безвольно обмякло, лишь веки мелко подрагивали, а сквозь зубы сочилась белая светящаяся пена.

— Тащите цепи с подавителями! — скомандовал Хорт, вешая клинок Киры себе на пояс. — Парня — в медицинский блок Корвуса, запереть в экстракционную клетку! Выкачать из него пару колб этой светящейся дряни на пробу, пока не сдох. А девуку...

Он повернулся к лежащей в грязи Кире и ухмыльнулся:

— Девку отмойте из шланга и бросьте в карцер бойцовской Ямы. Завтра на арене большой праздник. Пусть покажет нашим зверушкам, чему ее учили в благородном Корпусе.

Тяжелый приклад опустился на висок Киры.

Мир вспыхнул багровой болью и провалился в темноту.

В глубине Белой Бездны, у корней мертвого Древа, пространство содрогнулось от яростного эха удара.

Эйден и Селеста одновременно вскинули головы.

Сквозь трещины в черном небе, перекрывая безмолвие чистилища, донесся приглушенный, полный отчаяния и боли крик Киры. А следом — тяжелый, липкий звон падающего в грязь клинка.

Эйден замер. Его призрачные кулаки сжались с такой силой, что по пальцам побежали белые трещины.

— Кира... — прошептал он, и в его глазах вспыхнул дикий, первобытный ужас.

Селеста медленно повернулась к нему. Ее сияющие бездны глаз неотрывно смотрели сквозь трещины в пустоте — туда, в реальный мир, где чужие грязные руки волокли по земле смертную женщину с изувеченным огненным крылом.

Женщину, которая отдала всё, чтобы защитить носителя ее света.

— Твою стражницу сломали, дитя пепла, — тихо, почти беззвучно произнесла Королева. И впервые в ее ледяном голосе не было презрения. В нем звенела нарастающая, грозная ярость.

Глава 16 - Кровь на песке

Настоящий воин познается не тогда, когда сияют его знамена, а когда он стоит в чужой грязи, безоружный, и единственное, что у него осталось — это зубы, чтобы вцепиться врагу в горло

Наставление ветеранов Алари

Боль была густой, липкой и пахла паленой медью.

Эйден находился в ловушке собственного тела. Паралич сковал мышцы, не позволяя пошевелить даже пальцем, но нервная система, выжженная Законом Перегрузки, работала с обостренной, садистской чуткостью. Он чувствовал всё.

Его распяли на наклонном стальном столе в полутемном трюме разбитого корвета, служившем Корвусу лабораторией. Запястья и лодыжки стягивали широкие магнитные манжеты со встроенными подавителями эфира — грубые, кустарные кольца, давившие на кости свинцовой тяжестью.

Но хуже всего были иглы.

Шесть толстых, полупрозрачных пневматических трубок были вбиты прямо в его вены на предплечьях, шее и в районе солнечного сплетения. С каждым глухим ударом компрессора насосы с шипением втягивали в себя не кровь, а вязкую, ослепительно-белую субстанцию — жидкий звездный эфир, сочащийся из разорванных каналов его тела.

Жидкость текла по шлангам в толстостенные стеклянные колбы, заставляя весь отсек озаряться холодным, призрачным сиянием.

— Невероятно... — низкий, дребезжащий голос раздался у самого уха Эйдена.

Над ним склонился Корвус.

Главарь «Ржавой Глотки» напоминал оживший кошмар кибернетика. Левая половина его черепа была заменена матовой хромированной пластиной с тремя подвижными оптическими линзами вместо глаза, а горло пересекал массивный дыхательный фильтр, шумно выталкивавший перегретый пар. На широком кожаном ремне главаря висел трофей — темный клинок Киры в потертых ножнах.

Корвус осторожно снял со стойки одну из наполнившихся колб. Белый свет внутри сосуда пульсировал, словно пойманная шаровая молния, отражаясь в его аугментированном зрачке.

— Никаких примесей плазмы Алари. Ни следа гравитационного шума Эхонов, — пробормотал киборг, и в его единственном живом глазу вспыхнула дикая, пожирающая жадность. — Чистая, нетронутая материя. Один такой флакон на закрытых аукционах Синдиката перевесит тонну чистого тория. Откуда ты взялся, уродец?.. Кто выковал в тебе такой источник?

Эйден попытался зарычать, сплюнуть кровью ему в лицо, но из пересохшего горла вырвался лишь жалкий, свистящий хрип. Датчики на манжетах замигали красным, и подавители послали в его нервы электрический разряд, заставив выгнуться дугой в немом крике.

— Не дергайся, сокровище, — Корвус грубо похлопал его тяжелой металлической ладонью по щеке. — Пока в тебе плещется эта дрянь, я не дам тебе сдохнуть. Твоя подружка сейчас как раз зарабатывает тебе на порцию стимуляторов. Если, конечно, ее кишки не намотают на колеса в первом же раунде.

Киборг хрипло захохотал и вышел из отсека, заперев за собой тяжелую бронедверь.

В Белой Бездне не было компрессоров и ржавых стен. Но небо над головой трескалось.

Эйден стоял на коленях в белом пепле, судорожно хватаясь за горло. Каждая игла, вонзенная в его плоть в реальном мире, здесь отзывалась ударом раскаленного клина в самую душу.

Рядом, опираясь ладонью о ствол мертвого Белого Древа, стояла Селеста. Ее серебряные волосы вздымались невидимым ветром. Она смотрела вверх — туда, где сквозь гигантские разломы в черном небе транслировалось то, что происходило снаружи.

— Они пьют мою кровь... — прошептала Королева. Ее голос дрожал от такой концентрации ярости, что пепел вокруг них плавился, превращаясь в черное стекло. — Грязные, гниющие падальщики цедят свет Первозданной Звезды в ржавые банки... Какой позор. Какое падение.

— Плевать на свет! — прохрипел Эйден, сдирая ногти о пепел. — Кира... Посмотри, что они с ней делают!

Селеста медленно перевела горящий взгляд на другой разлом в небе.

Там, внизу, под рев сотен глоток, разверзлся ад.

«Яма» представляла собой огромную круглую воронку в центре кратера, огороженную пятиметровыми решетками из заостренных балок и сеткой под напряжением.

Песок на арене был темно-бурым, почти черным от въевшейся за годы крови. Сверху, на шатких помостах и галереях, бесновалась толпа — сотни контрабандистов, головорезов, мутантов и беглых наемников орала, гремели железными кружками и размахивали кредитными чипами, делая ставки.

Киру вытолкнули на песок ударом дубинки в спину.

Она покачнулась, едва удержав равновесие. Ее лишили офицерской брони: на ней остались лишь грязные серые штаны и изодранная майка. Сломанные при захвате ребра горели при каждом вдохе, а ожог на руке пульсировал черным воспалением. Босые ступни обожгло ледяным песком.

В качестве оружия ей бросили под ноги ржавый, зазубренный тесак длиной в полметра.

— Свежее мясо из регулярной армии! — взревел через громкоговорители голос распорядителя. — Гордая офицерская шляха против наших любимцев! Ставки десять к одному, что она не продержится и трех минут!

На противоположной стороне арены с лязгом поднялась тяжелая железная решетка.

Из темноты тоннеля, роняя пену из оскаленных пастей, высочили трое. Это были не люди. Мутировавшие кристальные гончие — твари размером с волка, чья чешуя состояла из твердых фиолетовых кристаллов, а челюсти могли перекусить титановую трубу.

Звери взвыли и, взрывая лапами песок, бросились на нее с трех сторон.

Кира не дрогнула. Ее взгляд стал пустым, холодным, вычищенным от страха. Настоящий ветеран Алари просыпался тогда, когда надежды больше не оставалось.

«Три минуты. Продержись три минуты, и ему дадут лекарство», — билась в висках единственная мысль.

Первая тварь прыгнула, метя ей в горло.

Кира не стала уклоняться. Она шагнула навстречу, присела под броском и с короткого замаха вогнала ржавый тесак снизу вверх — точно в мягкое сочленение под челюстью монстра. Вес стокилограммовой туши сбил ее с ног, они покатались по песку. Вторая гончая тут же вцепилась зубами в ее бедро, раздирая плоть до кости.

Кира даже не закричала. Захлебнувшись воздухом от боли, она выдернула лезвие из мертвого первого зверя и с остервенением вонзила его в глазницу второго — раз, другой, третий, пока челюсти на ноге не разжались.

Третья тварь зашла со спины, сбив ее ударом когтистой лапы. Тесак отлетел в сторону. Монстр навис сверху, его зловонное дыхание обожгло лицо Кире.

Толпа на трибунах взревела, предвкушая финал.

«Нет. Не сегодня».

Кира зарычала — дико, по-звериному.

Она призвала остатки своего звездного огня. Ей больше не нужно было прятаться.

ВСПЫШКА.

Воздух над ареной содрогнулся. За левым плечом Кире, разрывая ткань майки, с оглушительным треском расправилось огромное, трехметровое крыло из ревущей багровой плазмы. Жар от него был таким свирепым, что песок под ней мгновенно остеклел.

Плазменное крыло описало полукруг, словно исполинский серп, и буквально испарило верхнюю половину нападавшей твари, отбросив обугленные останки на пять метров назад.

На арене повисла зловещая тишина. Вой толпы на мгновение захлебнулся.

— Крыло... — прошептал кто-то на трибунах.

— Великое пламя... Это не просто офицер! Это Валькирия!

— Гляньте на ее правое плечо! Второго крыла нет! Она сломана! Она калека!

Глумливый хохот и рев толпы вспыхнули с новой, удесятенной яростью:

— Сломанная Валькирия! Добить ее! Выпускайте Мясника!

Кира тяжело поднялась на ноги, опираясь на обугленный обломок кости. Плазменное крыло за ее спиной дрожало, с него срывались редкие искры. Призыв магии через изувеченные каналы стоил ей слишком дорого: из носа и рта толчками текла темная кровь, а правое плечо свело парализующей судорогой.

Она едва стояла. Но ее единственное живое крыло пылало негасимым огнем.

Решетка дальнего загона со скрежетом поползла вверх.

На песок арены тяжело ступил Мясник. Трехметровый генетический громила, чья серая кожа была покрыта наростами бронепластин. В одной его руке мерцал чудовищный двуручный вибротор, подключенный кабелем к генератору на спине, во второй — тяжелый шипастый щит.

— Ну давай, птичка, — пробасил гигант, от которого разило кровью и дешевыми стимуляторами. — Покажи, как летают однокрылые.

Кира перехватила обломок ржавого клинка левой рукой. Она знала, что этот бой — последний. Ее каналы были разорваны. Ее тело было сломано. Она не могла взлететь.

Она просто приготовилась умереть стоя.

В Белой Бездне раздался звук, похожий на стон раскалывающейся планеты.

Селеста стояла, не шевелясь. Ее серебряные волосы сияли ослепительным, холодным светом. Она смотрела сквозь разлом в небе — на одинокую, избитую женщину с одним огненным крылом, которая сплевывала кровь на песок, готовясь принять удар топора.

— Она делает это... ради тебя, — голос древней Королевы звучал странно. В нем больше не было презрения. В нем звенело глубокое, почти благоговейное непонимание. — Она знает, что обречена. Ее сила сожжена. Ее плоть разорвана. И все же она стоит между тобой и смертью.

Селеста повернулась к Эйдену. В ее глазах плясали яростные белые вихри.

— Мои генералы клялись мне в вечной верности на золотых алтарях. Они целовали мои руки и пели гимны моему величию. Но когда пришли тени... они продали меня за крохи запретной силы. Они бежали, бросив мой трон на растерзание.

Она сделала шаг к землянину, опустившись перед ним на колени в пепел. Ее холодные пальцы коснулись его пылающего подбородка, заставляя поднять взгляд.

— Кто она тебе, смертный? Почему эта покалеченная воительница отдает свою жизнь за кусок земной пыли?

Эйден посмотрел прямо в пылающие бездны ее глаз. В его взгляде не было страха перед богиней. В нем была только та же первобытная, не знающая пощады верность.

— Потому что мы не бросаем своих, — сквозь зубы выдохнул Эйден. Из его призрачных глаз катились слезы ярости. — Она спасла меня, когда весь мир сторел. Она доверила мне свою жизнь, сняв ту чертову печать. И если ты сейчас позволишь ей умереть на этом проклятом песке... грош цена всей твоей божественной силе, Королева! Ты ничем не лучше тех предателей, которые сбежали в тени!

Селеста замерла.

Слова смертного ударили по ней сильнее, чем падение ее империй. Гордость последней правительницы Предвестников вспыхнула с такой силой, что Белое Древо за ее спиной затрепетало, осыпая пепел искрами чистого творения.

— Дерзкий червь... — прошептала она, но на ее мраморных губах впервые появилась хищная, жестокая усмешка.

Она поднялась во весь свой исполинский рост и протянула Эйдену обе руки. Ее ладони были объаты ослепительным, ревущим Белым Светом — тем самым, что зажигал звезды на заре времен.

— Ты просил силу защитить ее? — ее голос стал оглушительным, заполнив собой всю пустоту чистилища. — Так возьми ее, Эйден с Земли. Впусти меня. Пусть эти черви узнают, что бывает, когда гнев Королевы сливается с яростью смертного!

Эйден не колебался ни доли секунды.

Он вцепился в сияющие ладони богини.

В реальном мире, на окровавленном песке «Ямы», Мясник занес свой гигантский вибротопор над головой Киры.

Капитан стояла на одном колене. Ее плазменное крыло погасло. Силы оставили ее. Она подняла глаза к свинцовому небу, навстречу опускающемуся лезвию, и ее окровавленные губы едва слышно прошептали:

— Прости, Эйден... Я не успела...

Лезвие топора со свистом рассекло воздух.

И в этот момент командный отсек разбитого корвета над ареной взорвался.

Это не было взрывом пороха или плазмы. Это был взрыв чистой белизны. Бронированные переборки корабля Корвуса толщиной в полметра вырвало наружу, как картонные листы. Стальные конструкции с визгом лопнули, обращаясь в серый пепел прямо на лету.

Ударная волна прокатилась по арене, сбив с ног Мясника и швырнув его на пять метров назад. Толпа на трибунах в ужасе замерла.

Сквозь клубы пыли и оседающего пепла, прямо из развороченного трюма, на край арены шагнула фигура.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.